

НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№1
TOM 28

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 1 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т28. – 128 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 15.02.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 7,68 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Лю Цюцин

Влияние русской литературы на формирование языковой
картины мира..... 3543

Лю Цюцин

Эффективные методы обучения русскому языку как иностранному.....3546

Чжан Сюйнин

Влияние религии на лингвокультурные нормы русского языка.....3550

Чжан Сюйнин

Концепт «дружба» в русской и китайской лингвокультурах.....3553

Ян Цзин

Иностранные заимствования в русском языке в историко-
культурном контексте.....3556

Ян Цзин

Использование варваризмов в русском языке.....3561

Лю Чэнчэн

Особенности английского языка в бизнес-коммуникации:
эффективность и профессионализм..... 3564

Лю Чэнчэн

Карибский английский: язык и культурное отражение..... 3568

Лян Чэнь

Магический реализм в русской литературе:
волшебство в реальности.....3571

Лян Чэнь

Символизм и Аллегория в «Мастере и Маргарите» Михаила
Булгакова.....3574

Чжоу Сяосяо

Афроамериканский английский как этнолект английского языка.....3577

Чжоу Сяосяо

Особенности перевода в энергетическом секторе.....3580

Чжан Жуй

Семантическое пространство современного текста
в русском языке.....3585

Чжан Жуй

Использование художественного текста для обучения русскому
языку как иностранному (на материале рассказа Н. Тэффи «Блины»)....3588

Цяо Вэньсинь

Релятивизм и детерминизм в лингвистике.....3593

Цяо Вэньсинь

Использование английского как языка преподавания
в неанглоязычных странах в перспективе стран Персидского залива....3597

Горохова А. М., Багиров А.

Семантико-концептуальное картирование англоязычного
популярно-юридического дискурса (на материале аутентичного
онлайн-консалтингового портала hg.org).....3601

Горохова А. М., Багиров А.

К вопросу о дифференциальных лингвоконцептуальных маркерах
англоязычного популярно-юридического дискурса.....3611

Бакулин И. И.

Перевод реалий в чинопоследовании Проскомидии
Службника Православной Церкви в Америке.....3621

Масленникова А. Г.

The meaning of the subtitle “Modern prometheus” and what it implies
about the values of romanticism in “Frankenstein” by M. Shelley.....3629

Масленникова А. Г.

How the values of guest-friendship define the difference
between civilisation and barbarism in Homer’s Odyssey.....3634

Марачева А. В., Назаруха И. А.

Мотив страха в произведениях зарубежной и русской литературы.....3639

Марачева А. В., Назаруха И. А.

Мотив тьмы в современном рассказе в жанре хоррора.....3643

Чжу Шибо

Лексические средства выражения модальности в русском языке.....3647

Чжу Шибо

Варианты эвфемизации слова «смерть» в русском языке..... 3651

Е Бэй

Виды языка по Соссюру.....3655

Е Бэй

Концепция означаемого и означающего в языке по Соссюру.....3659

УДК 8

Влияние русской литературы на формирование языковой картины мира

Лю Цюцин

студент Юго-Западного нефтяного университета (Китай, Чэнду)

***Аннотация:** В мире литературы русская словесность занимает особое место, обогащая культурное наследие не только России, но и всего мира. Одним из ключевых аспектов этого вклада является формирование языковой картины мира, воздействие которой распространяется за пределы литературных произведений. Это влияние можно рассмотреть с различных точек зрения: лексической, семантической, культурной и философской. Русские писатели значительно влияли на русскую литературу, создавая новые лексические и грамматические конструкции. Русская литература становится не просто средством передачи информации, а ключом к пониманию русского языка.*

***Abstract:** Russian literature occupies a special place in the world of literature, enriching the cultural heritage not only of Russia but also of the whole world. One of the key aspects of this contribution is the formation of a linguistic picture of the world, the impact of which extends beyond the boundaries of literary works. This influence can be considered from different perspectives: lexical, semantic, cultural and philosophical. Russian writers significantly influenced Russian literature by creating new lexical and grammatical constructions. Russian literature becomes not just a means of transmitting information, but a key to understanding the Russian language.*

***Ключевые слова:** русский язык, русская литература, языковая картина мира, Пушкин.*

***Keywords:** Russian language, Russian literature, linguistic picture of the world, Pushkin.*

В мире литературы русская словесность занимает особое место, обогащая культурное наследие не только России, но и всего мира. Одним из ключевых аспектов этого вклада является формирование языковой картины мира, воздействие которой распространяется за пределы литературных произведений. Это влияние можно рассмотреть с различных точек зрения: лексической, семантической, культурной и философской.

«Отцом русского литературного языка» называют А. С. Пушкина. Эта высокая оценка связана с его выдающимся вкладом в развитие русской литературы и языка. Пушкин создал множество произведений в различных жанрах — стихотворения, повести, романы. Его творчество стало образцом русского литературного языка, отличающегося высоким стилем и красочностью. Пушкин оказал существенное влияние на развитие русской поэзии [1]. Его стихи отличаются музыкальностью, яркостью образов, гармоничным сочетанием звучания слов. Пушкин был инноватором в использовании русского языка. В своих произведениях он проводил лингвистические эксперименты, внедрял новые слова и выражения, что способствовало развитию языка. Язык Пушкина считается образцовым благодаря его ясности, точности и богатству лексики. Он выступил за язык, близкий к разговорной речи, при этом сохраняя высокий литературный стиль. Творчество Пушкина стало источником вдохновения для многих русских писателей. Его язык и стиль оказали влияние на развитие литературы в XIX и XX веках. В связи с этим Пушкина считают не только выдающимся поэтом, но и создателем литературного языка, который стал фундаментом для последующего развития русской литературы.

В первую очередь, русская литература оказывает существенное воздействие на лексический состав языка. Произведения великих русских писателей обогащают словарь, вносят новые выражения и фразеологизмы. К примеру, творчество Федора Достоевского привнесло в русский язык не только новые психологические термины, но и философские концепции, расширившие понимание человеческого бытия. Также можно упомянуть произведение «Горе от ума» Александра Грибоедова, разошедшееся на цитаты и афоризмы, ставшие неотъемлемой частью русской речи, например «счастливые часов не наблюдают», «И дым Отечества нам сладок и приятен!», «Где ж лучше? Где нас нет» [2].

Семантическое воздействие русской литературы проявляется в расширении значений слов. Произведения, такие как «Война и мир» Льва Толстого, не только описывают события, но и предлагают глубокие размышления о мире, жизни и смысле бытия. Таким образом, слова приобретают новые смыслы, богатея глубиной и эмоциональным окрашиванием благодаря литературному наследию.

Культурное воздействие русской литературы проявляется в распространении образов и традиций. Персонажи произведений Александра Грибоедова, Антона Чехова, Ивана Тургенева становятся символами русской культуры, а черты их характеров — частью общекультурного наследия. Эти образы, проникнутые духом русской литературы, переносятся за её пределы, формируя общесловянскую и даже мировую культурную картину [3].

Философское воздействие русской литературы проявляется в предложении новых идей и концепций. Произведения Федора Достоевского, например, провоцируют читателя на размышления об истине, свободе и нравственности. Такие темы оставляют неизгладимый след в мышлении и формируют особую языковую картину мира, где слова приобретают глубину философского осмысления. Русская литература дала такие понятия, как «маленький человек», «лишний человек», «конфликт отцов и детей».

Влияние русской литературы на русский язык было огромным и многогранным. Русская литература, начиная с древнерусских летописей и заканчивая современными произведениями, формировала и обогащала язык, придавая ему разнообразные стилистические, лексические и грамматические элементы. Русская литература вносила множество новых слов и выражений в русский язык. Писатели активно использовали не только литературные, но и разговорные формы, обогащая лексический запас. Например, Пушкин ввел в русский язык такие слова, как «машинально», «вульгарный», «галоши» и др. Достоевский придумал слово «штушеваться», а Салтыков-Щедрин — «мягкотелость». Различные литературные жанры, такие как поэзия, проза, драма, вносили свои особенности в структуру предложений, выбор лексики и образование сложных грамматических конструкций. Русская литература активно разрабатывала новые литературные формы и стили, такие как роман в стихах, реализм, символизм и т.д. Эти новации оказывали воздействие на общую структуру языка. Часто писатели применяли метафоры, аллегории и другие литературные приемы для расширения смысла слов, внося оригинальные толкования и значения.

Классические произведения русской литературы, такие как произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, помогали закреплять определенные языковые нормы и правила. Русская литература выступала в качестве об-

разцового материала для изучения русского языка, формируя нормы произношения и грамматики.

Общий результат влияния русской литературы на русский язык заключается в его разнообразии, богатстве и гибкости. Язык постоянно эволюционировал под воздействием литературных течений и индивидуальных творческих стилей, что сделало его живым и динамичным.

В заключение, влияние русской литературы на формирование языковой картины мира огромно и всесторонне. Это воздействие не ограничивается только словами, оно проникает в семантику, культуру и философию. Русская литература становится не просто средством передачи информации, а ключом к пониманию русского языка.

Список литературы

1. Целищев Н. Н. А. С. Пушкин как создатель современного русского языка, родоначальник отечественной классической литературы // Аграрное образование и наука, 2014, (2), 11.
2. Баско Н. В. Развитие русского языка в условиях глобализации. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014.
3. Лебедев Ю. В. О духовных основах русского языка и классической русской литературы // Славянский альманах, 1997, (1996), 13–22.

УДК 811

Эффективные методы обучения русскому языку как иностранному

Лю Цюцин

студент Юго-Западного нефтяного университета (Китай, Чэнду)

Аннотация: Изучение русского языка как иностранного — увлекательное и одновременно вызывающее трудности занятие. Эффективные методы обучения играют ключевую роль в обеспечении успешности этого процесса. В данной статье будут рассмотрены несколько эффективных методов, способствующих освоению русского языка

и созданию благоприятной образовательной среды. К ним относятся методы погружения в языковую среду, использование технологий, грамматический метод, метод коммуникативного обучения и методология культурного восприятия.

Abstract: *Learning Russian as a foreign language is a fascinating yet challenging endeavor. Effective teaching methods play a key role in ensuring the success of this process. This paper will discuss several effective methods that promote Russian language acquisition and create a favorable learning environment. These include language immersion methods, the use of technology, the grammar method, the communicative learning method, and the cultural sensitivity methodology.*

Keywords: *Russian as a foreign language, pedagogy, methodology, communication.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, педагогика, методология, коммуникация.*

Изучение русского языка как иностранного — увлекательное и одновременно вызывающее трудности занятие. Эффективные методы обучения играют ключевую роль в обеспечении успешности этого процесса. В данной статье будут рассмотрены несколько эффективных методов, способствующих освоению русского языка и созданию благоприятной образовательной среды.

Первым важным методом является погружение в языковую среду. Общение с носителями языка, прослушивание аудиоматериалов, просмотр фильмов и чтение книг помогают привыкнуть к ритму речи, акценту и особенностям языкового строя. Важно вовлекать студентов в аутентичные ситуации общения, что способствует более глубокому усвоению языковых норм и выражений. В погруженной языковой среде учащиеся имеют возможность слушать носителей языка в реальных ситуациях общения. Это способствует лучшему усвоению звуков, произношения и интонации, что важно для правильного общения [1]. Погружение в языковую среду предоставляет учащимся возможность общаться с носителями языка на повседневном уровне. Это активное общение способствует развитию навыков говорения, слушания и понимания, что трудно достичь, ограничиваясь только учебными материалами. Погружение в языковую среду также предоставляет возможность понимания культурных контекстов, традиций и обычаев. Взаимодействие с носителями языка в повседневных ситуациях помогает учащимся преодолевать барьеры и повышать языковую уверенность. Общение в реальных

ситуациях позволяет учащимся активно расширять свой лексический запас. Узнавая новые слова и выражения в их естественном контексте, студенты лучше усваивают их значения и способы использования.

Второй метод — использование технологий в обучении. Современные образовательные приложения, онлайн-курсы и интерактивные платформы обеспечивают доступ к обширному материалу и способствуют индивидуализации обучения [2]. Технологии также поддерживают автоматизацию языковых навыков через разнообразные упражнения, тестирование и коррекцию произношения. Создание и использование интерактивных платформ, таких как приложения и веб-ресурсы, способствует активному обучению. Студенты могут учить язык в игровой форме, решать задачи, участвовать в диалогах и получать моментальную обратную связь, что делает обучение более увлекательным и эффективным. Появление онлайн-курсов и вебинаров дает студентам возможность изучать язык в удобное для них время и темп. Эксперты иностранного языка могут проводить виртуальные занятия, обсуждать темы и давать домашние задания, расширяя доступ студентов к качественному обучению. Разнообразные приложения предоставляют студентам возможность изучать язык в любом месте. Они включают в себя упражнения на грамматику, словари, разговорные практики и даже функции распознавания речи, что помогает развивать различные языковые навыки.

Грамматический подход является еще одним важным элементом эффективного обучения. Понимание базовых грамматических правил и структур позволяет студентам формировать грамотные предложения и более точно выражать свои мысли. Систематические упражнения на закрепление грамматики помогают избежать распространенных ошибок [3]. Грамматический метод ориентирован на систематическое изучение грамматики языка. Этот подход предполагает, что понимание грамматических структур и правил является фундаментальным для достижения языковой компетенции. Грамматический метод часто акцентирует внимание на письменной форме языка. Это подходит для тех, кто планирует использовать иностранный язык в письменных областях, таких как деловая переписка или литературное творчество. Этот подход эффективен в формальных контекстах, таких как учебные заведения или профессиональные обучающие программы, где необходимо достигнуть высокого уровня грамматической компетенции.

Метод коммуникативного обучения призван развивать навыки общения на языке. Задания, ориентированные на обмен информацией, дискуссии и создание проектов, способствуют не только пониманию, но и активному использованию языка в реальных ситуациях. Студенты знакомятся с реальными сценариями общения, которые могут встретиться в повседневной жизни или профессиональной сфере. Это включает обсуждение тем, игры, ролевые игры и другие интерактивные задания. Материалы, используемые в коммуникативном методе, ориентированы на реальные тексты и аутентичные ситуации, что позволяет студентам лучше понимать, как использовать язык в конкретных контекстах. Групповые занятия, ролевые игры и обсуждение актуальных тем создают атмосферу взаимодействия и обмена опытом. Занятия по коммуникативному методу акцентируют внимание на активном взаимодействии между учащимися. Это может включать диалоги, дискуссии, групповые проекты и другие формы обучения, стимулирующие обмен языковым опытом.

Исключительно важным компонентом является методология культурного восприятия. Знание языка тесно связано с пониманием культурных контекстов и обычаев. Включение в обучение элементов культуры, традиций, истории и литературы помогает студентам лучше воспринимать и интерпретировать язык, делая обучение более глубоким и контекстуальным.

В заключение, эффективные методы обучения русскому языку как иностранному — это комплексный подход, объединяющий погружение в языковую среду, использование современных технологий, грамматический анализ, коммуникативные навыки и культурное восприятие. Все эти элементы в совокупности способствуют формированию навыков владения языком, позволяя студентам успешно воспринимать, использовать и любить русский язык.

Список литературы

1. Гвоздева Е. В. Проектные технологии в обучении русскому языку как иностранному // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сборник статей по материалам XLV Международной научно-практической конференции. 2016. № 1 (44). Ч. 2. С. 54–57

2. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие. Мн.: БГЭУ, 2011.
3. Михеева А.А. К вопросу об эффективных методах обучения русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017, (4–2 (70)), 204–206.

УДК 811

Влияние религии на лингвокультурные нормы русского языка

Чжан Суйнин

студент Красноярского педагогического университета

***Аннотация:** Религия, как важнейший элемент культуры, оказывает значительное влияние на формирование лингвокультурных норм языка. Русский язык, пронизанный христианским наследием, отражает не только лингвистическую структуру, но и духовные ценности, мировоззрение и нравственные устои русского народа. В данной статье рассматриваются различные аспекты влияния религии на русский язык, в том числе проникновение религиозной лексики в русскую речь, библеизмы и так далее.*

***Abstract:** Religion, as the most important element of culture, has a significant influence on the formation of linguocultural norms of language. The Russian language, permeated by the Christian heritage, reflects not only the linguistic structure, but also the spiritual values, world-view and moral foundations of the Russian people. This article examines various aspects of the influence of religion on the Russian language, including the penetration of religious vocabulary into Russian speech, biblicalisms and so on.*

***Ключевые слова:** лингвокультурология, русский язык, христианство, библеизмы.*

***Keywords:** linguoculturology, Russian language, Christianity, biblicalisms.*

Религия, как важнейший элемент культуры, оказывает значительное влияние на формирование лингвокультурных норм языка. Русский язык, пронизанный христианским наследием, отражает не только лингвистическую структуру, но и духовные ценности, мировоззрение и нравственные устои русского народа.

Одним из ключевых аспектов воздействия религии на русский язык является использование религиозной лексики. Термины, связанные с христианской традицией, несут в себе глубокий смысл и эмоциональную окраску. Например, слова «вера», «милосердие», «спасение» имеют не только языковое значение, но и обозначают основные понятия христианства. Их употребление придает высокий смысл и эмоциональную насыщенность высказываниям, создавая особую атмосферу в общении.

Еще одним проявлением влияния религии на язык является использование библейских аллюзий и цитат. Библия, являющаяся основным текстом для христиан, становится не только источником мудрости, но и образцом выразительности. В русском языке широко используются библеизмы. Библеизмы представляют собой лингвистические элементы, взятые из Библии, которые интегрированы в язык и широко используются в повседневной коммуникации. Библия, как один из древнейших текстов в истории человечества, оказывает значительное влияние на культуру и, в частности, на язык. Эти библейские выражения придают выразительность, глубину и культурный оттенок речи. В привычном употреблении библеизмы могут выражаться в виде цитат, аллюзий, фраз и терминов, привнесенных Библией [1]. Этот уникальный слой языковой культуры становится частью общего коммуникативного опыта и часто используется для выражения сложных эмоций, идей или моральных уроков.

Примеры библеизмов включают в себя такие фразы, как «одним миром мазаны», «каждой твари по паре», «блудный сын». Эти выражения не только переносят значение из Библии, но и обогащают язык культурным контекстом и духовной глубиной [2].

Библеизмы играют важную роль в лингвокультурном наследии, связывая повседневный язык с историческим и религиозным контекстом. Они напоминают о богатстве культурных корней и служат своего рода «языковым мостом» между поколениями, углубляя понимание и связь с традициями.

Семантика религиозных терминов также формирует особую сферу коннотаций. Например, слово «жертва» в религиозном контексте ассоциируется с самопожертвованием, благородством и преданностью высшим идеалам. В повседневной речи оно может приобрести оттенки

высокой ценности и поступков, носящих особое духовное значение. Также можно рассматривать семантику таких слов, как «смирение», «утешение»).

Религиозные обряды и обычаи также оставляют свой отпечаток на лингвокультурных нормах. Языковые формулы, применяемые в церковных обрядах, интегрируются в повседневную жизнь, приобретая новые значения. Например, слово «аминь», используемое как подтверждение согласия в церковном обряде, может встречаться в разговорной речи как выражение категоричного согласия в обыденной беседе [3].

Однако влияние религии на лингвокультурные нормы русского языка не ограничивается только лексикой. Структура речи, устойчивые обороты и выражения также отражают религиозные устои. Например, обыденные фразы «благослови тебя Бог» или «Дай Бог», «Боже упаси» пронизаны религиозным смыслом и выражают веру в высшие силы.[4]

Этимология слова «спасибо» также имеет глубокие корни в христианском контексте. Оно объединяет две части: «спаси» и «бо», где «спаси» связано с глаголом «спасти», а «бо» представляет собой сокращение слова «бог»: «Спаси» происходит от глагола «спасти», который в христианском контексте означает «освободить от греха» и «обеспечить спасение в вечной жизни». В христианской традиции понятие спасения тесно связано с жертвой Христа на кресте и возможностью благодарного принятия этого спасения. «Бо» (бог) является сокращением слова «бог», что в христианстве обозначает высшее божественное существо, творца мира и дарователя спасения.

Таким образом, «спасибо» в христианском смысле можно трактовать как благодарность за духовное спасение, которое предоставляется верующему по милосердию бога. Это слово стало неотъемлемой частью христианской культурной лексики и используется как выражение благодарности за дары божьи, в том числе и за духовное спасение через веру в Христа.

Таким образом, религия оказывает многогранный и глубокий эффект на лингвокультурные нормы русского языка. Она становится неотъемлемой частью языковой картины мира, формируя уникальные особенности выражения духовных ценностей и вероисповедания в речи русского народа.

Список литературы

1. Петухова М. Е. Христианская лексика в русской фразеологии // Славянские чтения: Материалы докл. и сообщ. регион, науч. конф., 2426 мая 1999 г., Чебоксары. Чебоксары: Изд-во Чуваш, ун-та, 1999. С. 51–54.
2. Луннова М. Г. Библиизмы в современном русском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008 (13), 40–45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19
4. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.

УДК 811

Концепт «дружба» в русской и китайской лингвокультурах

Чжан Сюйнин

студент Красноярского педагогического университета

Аннотация: Слово «дружба» в русской и китайской лингвокультурах является глубоко укоренённым и пронизанным культурным и историческим контекстом. Оба языка, русский и китайский, отражают свою уникальную перспективу на понятие дружбы, предоставляя возможность для интересного сравнения и контраста. В данной статье концепт «дружба» рассматривается через систему паремий, а также через культурные особенности русского и китайского языков.

Abstract: The word “friendship” in Russian and Chinese linguocultures is deeply rooted and imbued with cultural and historical context. Both languages, Russian and Chinese, reflect their unique perspectives on the concept of friendship, providing an opportunity for interesting comparison and contrast. This paper examines the concept of friendship through a system of proverbs, as well as through the cultural characteristics of Russian and Chinese.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, лингвокультурология, паремии.

Keywords: Russian language, Chinese language, linguoculturology, proverbs.

Слово «дружба» в русской и китайской лингвокультурах является глубоко укоренённым и пронизанным культурным и историческим контекстом. Оба языка, русский и китайский, отражают свою уникальную перспективу на понятие дружбы, предоставляя возможность для интересного сравнения и контраста.

Лингвокультурология — это область лингвистики, фокусирующаяся на взаимосвязи между языком и культурой. Этот термин объединяет изучение, как язык отражает, формирует и передает культурные ценности, нормы и особенности общества. В рамках лингвокультурологии анализируются языковые особенности, которые специфичны для определенной культуры, изучаются стереотипы и представления, а также рассматриваются социокультурные контексты общения. Эта дисциплина также занимается проблемами перевода и трансляции, а также изучает вопросы эффективной кросс-культурной коммуникации. Лингвокультурология является ключевым инструментом для понимания влияния культуры на язык и наоборот, способствуя более глубокому взаимопониманию и сотрудничеству между различными культурными средами [1].

В русском языке слово «дружба» обладает богатым семантическим содержанием и широким кругом ассоциаций. Оно олицетворяет взаимопонимание, преданность, взаимную поддержку и часто связано с идеей долгосрочных, надёжных отношений. Русская лингвокультура часто выражает ценность дружбы через поговорки, пословицы и литературные произведения, подчёркивая её важность в жизни человека.

Среди поговорок со словом дружба в русском языке можно отметить «Дружба дороже денег», «Дружба, что стекло: сломаешь — не починишь», «Друг познается в беде». В этих пословицах подчеркивается значимость дружбы как важного социального явления, влияющего на жизнь человека.

Пословичный концепт дружбы в русской культуре выделяется следующими особенностями: дружба рассматривается как важный вид социальных связей, при этом дружеские отношения приобретают особую значимость, превосходящую родственные или любовные связи. Это обусловлено тем, что дружба воспринимается как основа прочности всего коллектива. Основными чертами дружбы являются взаимовыручка, преданность и честность [2].

В китайской лингвокультуре понятие дружбы также занимает центральное место. В китайском языке существует несколько слов и иероглифов, которые могут передавать смысл дружбы в различных контекстах. Например, иероглиф «友谊» (yǒuyì) в китайском языке олицетворяет понятие дружбы и подчёркивает её обоюдную выгоду. В современном китайском языке значение «друг» передается несколькими словами: 交 (jiāo) — из десяти значений 6-е значение — «дружба»; 友 (yǒu) — из четырех значений 1-е значение — «дружба». [3] Китайская культура также обогатила своё представление о дружбе через древние философские тексты, такие как концепции Конфуция о взаимоотношениях и социальной гармонии.

Сопоставление этих двух культурных подходов к дружбе может привести к интересным наблюдениям. В русской культуре дружба может быть описана как часто эмоциональная и интенсивная, с уклоном в глубокие личные связи. В китайской культуре уделяется внимание стабильности и долгосрочности дружеских отношений, что может проявляться в устойчивости и преданности друзей друг другу.

Обсуждая слово «дружба» в контексте русской и китайской лингвокультур, стоит также обратить внимание на то, как они отражают социокультурные аспекты общества.

В русской лингвокультуре дружба может часто рассматриваться как семейное расширение, где друзья могут считаться «братьями» или «сёстрами». Это подчёркивает особенное чувство близости и взаимной ответственности, которое существует между людьми, называющими себя друзьями. Русская литература и искусство также играют важную роль в формировании представлений о дружбе, создавая образы лучших друзей, готовых идти на любые жертвы друг для друга [4].

С другой стороны, в китайской культуре дружба может также восприниматься в контексте общественных связей и поддержки. Традиционные китайские ценности, такие как уважение к старшим, могут сказываться на том, как формируются и поддерживаются дружеские отношения. Кроме того, важно учитывать концепцию группового взаимодействия в китайской культуре, где дружба может быть тесно связана с общественными ожиданиями и коллективными интересами.

В обоих случаях слово «дружба» становится зеркалом, отражающим особенности социокультурного контекста, в котором оно используется. Вместе они позволяют нам лучше понять и ценить разнообразие значений и оттенков, которые могут вкладываться в это понятие в различных культурах.

Однако обе культуры подчёркивают важность дружбы как составной части человеческой жизни. Слово «дружба» становится мостом между двумя культурами, где, несмотря на различия в языке и выражении, общность в понимании ценности дружбы преодолевает границы и способствует укреплению культурного взаимопонимания.

Список литературы

1. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75–81.
2. Али Нажва Фуад Концепт «Дружба» в русской лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок русского языка). // Преподаватель XXI век 2019., (4–2), 395–406
3. 现代汉语词典. Словарь современного китайского языка. Пекин, 2005. 1958 с.
4. Рахимова И.Р Концепт «дружба» в русских и английских народных пословицах // Архивариус, 2016, 2 (4 (8)), 93–95.

УДК 811

Иностранные заимствования в русском языке в историко-культурном контексте

Ян Цзин

студент Курского государственного университета

Аннотация: В статье раскрывается тема иностранных заимствований в русском языке — скандинавизмов, балтизмов, финно-угризм, тюркизм, грецизм, латинизмов, германизмов и англицизм — в культурно-историческом аспекте.

Abstract: *The article reveals the topic of foreign borrowings in Russian language — Scandinavisms, Baltisms, Finno-Ugrisms, Turkisms, Greekisms, Latinisms, Germanisms and Anglicisms — in the cultural and historical aspect.*

Ключевые слова: *заимствования, варваризмы, экзотизмы, заимствованная лексика, русский язык, скандинавизмы, балтизмы, тюркизмы, галлицизмы, германизмы, англицизмы.*

Keywords: *borrowings, loanwords, barbarisms, exotisms, borrowed vocabulary.*

Язык, как подвижная структура неизбежно подвергается воздействию иностранных культур и языковых систем и первым реагирует на политические и социальные тренды и перемены в обществе и в мире. В язык регулярно попадают новые иностранные слова, которые либо приживаются и укореняются в языке, либо со временем пропадают или заменяются другими. Исследование языковых заимствований в историческом контексте способствует большему пониманию процессов языкового развития в контексте культурных, социальных и политических изменений в жизни российского общества.

Балтизмы стали появляться в языке в период ассимиляции балтского населения с VI века. Их чёткое выделение в русском языке довольно проблематично ввиду близости праславянского и древних балтийских языков. Это, например, слова «ковши», «кувшин», «пакля», «деревня», «янтарь», «баланда», «пельмени».

Финно-угризмы появились в языке после начала колонизации славянами северных земель, а затем во время освоения русскими Сибири, Урала и Поволжья. Слова, в основном, связаны с природой и названиями флоры и фауны («камбала», «корюшка», «нерпа», «пурга», «морж», «тундра», «харюс», «чум», «мыза»).

Скандинавизмы. В период с VIII по XII века в русский язык пришла крупная группа заимствований из языков северных соседей. По разным подсчётам, в русском имеется до 200 лексем скандинавского происхождения. Это слова, связанные с мореплаванием и соответствующими промыслами («балласт», «дамба», «камбуз», «якорь», «экипаж» от др.-скандинавского **skipa** — снаряжать корабль); связанные с природой

и погодой («гейзер», «фьорд», «шквал»), социальным статусом («викинг», «конунг», «витязь», «ябеда» в значении «чиновник»); это названия водной фауны («акула», «ёриш», «омар», «сельдь», «тюлень») и мифологических существ («тролль», «вальгалла», «валькирии», «О́дин» и т.д.). Отдельно стоят антропонимы (*Глеб, Олег, Рюрик*), топонимы (*Выборг, Пермь, Мурман*). Скандинавская лексика в русском языке имеет, в основном, норвежское, шведское и датское происхождение. Ввиду того, что в языковой корпус она вошла на ранних этапах формирования языка, её можно считать «исконной неславянской» лексикой, как и в случае с балтизмами и финно-угризмами.

Тюркизмы. Попали в русский язык под влиянием соседствующих тюркских племён, а затем в период пребывания в подчинении Золотой Орде. Тюркизмы проникали в русский примерно до XVII века. Тюркские слова: «башмак», «войлок», «кабала», «казна», «курган», «чертог», «чулок», «шалаш». В новейшее время в русский язык вошли такие заимствования, как «джезва», «гяур», «йогурт», «мушмула».

Грецизмы проникали в русский язык в двух периодах истории. В IX — XV веках греческие слова приходили из Византии вместе с религиозной литературой после принятия христианства. Лексика связана с православием: «патриарх», «мистика», «Евангелие», «апостол», «пономарь», «монах». Вместе с распространением обряда крещения появились и греческие антропонимы: *Александр, Ирина, Ксения, Екатерина* и другие.

С середины XV века, в связи с курсом на европеизацию страны и последующими петровскими реформами в русском языке стали закрепляться понятия греческого происхождения, пришедшие в русский через другие европейские языки («театр», «комедия», «лицей»); в XVIII — XIX веке таким же путём в русский попали общественно-политические и научные термины «демократия», «автономия», «экономика», «диктатор», «галактика», «идиллия», «лексикон» и т.д.

В эпоху Петра I стали проникать в язык и **латинизмы**: латынь была официальным языком делопроизводства и науки в Европе; на ней писали научные сочинения, которые попадали, в том числе, в Российскую империю. Сохранившиеся латинизмы в русском языке связаны с наукой, медициной, а также с социально-административным устройством и по-

литическим строем: «администрация», «юстиция», «цензура», «депутат», «конституция», «революция».

Греческие и латинские корни в дальнейшем становились основой для новосозданных терминов и понятий, неизвестных в эпоху античности: космонавт (греч. «космос» — Вселенная, мироздание; «наутес» — плавание).

Петровские реформы и сближение с европейскими странами, в первую очередь, с Германией и Нидерландами, привнесли в русский язык целый пласт **германизмов, нидерландизмов и англицизмов**. Это названия бытовых предметов и явлений («*пакет*», «*бутерброд*», «*штопор*», «*штраф*», «*ярмарка*», морские («*матрос*», «*рейд*», «*флот*», «*мичман*») и военные термины («*ефрейтор*», «*юнкер*»), слова из административной сферы («*бухгалтер*», «*архивариус*», «*камергер*»).

В связи с войной 1812 года в русский язык попали слова французского происхождения — **галлицизмы**. Изначально это были слова с негативной окраской («шаромыжник» от обращения отступающей и голодной французской армии к крестьянам *Cher ami*, «шантрапа» от *chantera pas*).

Резко развившаяся мода на галломанию в конце XVIII — начале XIX веков в кругах российской аристократии и культурных деятелей насытила русский язык всевозможными галлицизмами. Это, например, слова «*лейтенант*», «*салон*», «*одеколон*», «*вуаль*», «*парламент*», «*котлета*», «*сигарета*». Через французский язык в русский лексикон попали и итальянизмы: «*кавалер*», «*баррикада*», «*карнавал*», «*бандит*».

После распада СССР русский язык снова начал бурно взаимодействовать с окружающим миром, а всемирные тренды глобализации привнесли в него **англо-американизмы**, связанные со сферой бизнеса и торговли («*офис*», «*маркетинг*», «*пиар*», «*брокер*», «*промоутер*», «*менеджер*»), журналы («*релиз*», «*прайм-тайм*», «*телешоу*»), компьютерных технологий («*вебсайт*», «*интерфейс*», «*юзер*»).

Любой живой язык неизбежно подвергается воздействию внешних культур и других языковых систем. Заимствования не являются каким-либо последствием «угасания» языка или снижения культурного уровня; они свойственны всем неизолированным языковым системам на любом уровне их формирования. Иностранная лексика принимается по ряду

причин. Первая — отсутствие в языке-реципиенте соответствующего точного переводного термина (например, «*дедлайн*»); необходимость описывать реалии другой культуры («*бунгало*», «*коррида*»). Некоторые слова принимают грамматические правила языка-реципиента; некоторые остаются т.н. экзотизмами или варваризмами — неизменными понятиями (например, *balalaika* или *matryoshka* в английском языке, «*суши*», «*танго*», «*гамбургер*» в русском. Иностранная лексика естественным образом подпитывает язык-реципиент и постепенно либо исчезает вместе с явлением, которое она описывала, либо укореняется.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Проблемы изучения балтизмов в русском языке. Сибирский филологический журнал. 2014. № 4.
2. Теуш О. А. Славяне и финно-угры: этническое взаимодействие на Европейском Севере России (на материале наименований типов поселений). Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5.
3. Кохановский В. А. Тематическая классификация скандинавских заимствований в русском языке. Вестник НовГУ. 2009. № 52.
4. Полихрониду С. В. Изучение лексики греческого происхождения в русском языке. Русистика. 2015. № 3.
5. Ещеркина Л. В. История проникновения германизмов в структуру русского языка. Управление в социально-политических и правовых системах. 2015. № 2 (6).
6. Калинина М.А. К вопросу о деривационных возможностях иноязычной лексики в русском языке (на примере галлицизмов). Известия ВГПУ. 2017. № 3.

УДК 811

Использование варваризмов в русском языке

Ян Цзин

студент Курского государственного университета

Аннотация: В статье раскрываются определение, свойства и классификация варваризмов: одного из видов заимствований иностранной лексики в русском языке; даются характеристика и примеры различных подвидов варваризмов: экзотизмов, иностранных вкраплений.

Abstract: The article reveals the definition, properties, and classification of barbarisms: one of the types of borrowings of foreign vocabulary in Russian language. Characterization and examples of different subspecies of barbarisms like exotisms or foreign inclusions are given.

Ключевые слова: заимствования, экзотизмы, варваризмы, иностранные вкрапления, русский язык, иноязычная лексика.

Keywords: borrowings, exotisms, barbarisms, foreign fragments, foreign language vocabulary, Russian language.

Заимствования в русском языке по степени их ассимиляции разделяют на укоренившиеся (освоенные), относительно освоенные и неосвоенные. Освоенные заимствования вошли в язык достаточно давно и уже не воспринимаются как иноязычные («свитер», «джем»); относительно освоенные — слова, используемые не повсеместно, а в конкретных сферах общения, не имеют переводческого эквивалента («дедлайн», «брейншторм», разнообразная IT-терминология); неосвоенные — лексемы, которые не входят в лексическую систему языка-реципиента и встречаются лишь в контексте описания культуры языка-донора («килт», «раджа»). К последним двум группам может относиться пласт лексики, определяемый как **варваризмы**: на них остановимся подробнее.

Варваризм происходит от греческого слова *barbaros* — «чужеземный». Второе его название — **ксенизм** (от гр. *xenos* — «чужой»). Существует множество определений варваризмов, из которых можно выделить следующие свойства этого явления: это слово иностранного происхождения, которое имеет переводческое соответствие в языке-реципиенте, однако, в силу

моды или ради удобства употребляется в оригинальном варианте; варваризмы описывают культурные реалии страны языка-донора или же профессиональную деятельность, которая с этой страной связана; как правило, варваризмы не входят в лексическую систему языка-реципиента и не соответствуют его нормам.

Варваризмы могут быть неологизмами, экзотизмами, жаргонизмами или терминами, либо же выступать как иноязычные вкрапления. Со временем они могут исчезать из языка или переходить в разряд редко употребляемых, либо же наоборот, укореняться в языке и получать закреплённые в словарях нормы написания.

Низкая освоенность варваризмов характеризуется рядом свойств, которые им присущи: это манера написания — как правило, либо транслитерация иностранного слова или выражения («*маст хэв*»), либо и вовсе иностранное вкрапление; вариативность написания в русской транскрипции («*брэнд*»/«*бренд*»); слабая способность словообразования.

Можно выделить следующие подгруппы варваризмов:

- Профессионализмы и жаргонизмы, которые постепенно переходят в широкий лексикон. Во времена петровских реформ такими словами были всевозможные научные, морские и военные термины («шахта», «камбуз», «ефрейтор», «штангенциркуль»). В новейшее время эту нишу заполнили всевозможные IT-термины и названия компьютерных программ («скайп», «девайс», «аддон», «апгрейд», «баг», «дистрибутив», «комплаенс», «мессенджер»), бизнес-термины («аутсорсер», «брифинг», «митинг» в значении «совещание», «девелопер», «инсайдер», «хоум-офис»), термины из журналистики и сферы культуры («релиз», «сингл», «ремейк», «кастинг», «ньюсмейкер», «арт-объект»); сферы красоты («бьюти-сфера», «fashion-индустрия», «мейк», «стайлер», «модный лук»), кулинарии и общепита («фудкорт», «суперфуд», «маффин», «капкейк», «фреш-ролл», «снек») и т.д.
- Экзотизмы (от греч. *exotikos* — «чуждый») — слова, обозначающие в языке-реципиенте явления инокультурной действительности. Экзотизмы используются в устной и книжно-письменной речи для иллюстрации межкультурной коммуникации: «огромные резные сундуки тёмных палаццо», «переходя вброд одно кампо за другим» (И. Брод-

ский «Набережная неисцелимых»). К экзотизмам относят названия зарубежных учреждений («рейхстаг»), видов одежды («сари», «кимоно»), продуктов питания и напитков («рахат-лукум», «пахлава», «чача»), танцев и музыкальных инструментов («варган», «сопилка», «фламенко»), должностей и званий («констебль», «бундесканцлер», «матадор») и т.д. В русском языке можно выделить отдельную группу экзотизмов — слова, принадлежащие народам — бывшим членам СССР. Это, например, слова типа «аксакал», «бешбармак», «наршараб», «пиала», «чалма», «га-рем» и т.д.

- Иностранные вкрапления: слова или словосочетания на иностранном языке, которое включают в текст без изменений либо же в транслитерированном виде. Вкрапления бывают полные, когда в текст вводится целая фраза на иностранном языке, частичные вкрапления — слова или словосочетания на иностранном языке посреди русскоязычного предложения («смоуки-айз — модный мэйк в этом сезоне); контаминированные вкрапления (иностранное непереведённое слово, употреблённое по правилам русского языка — «он спикает по-английски» от английского speak — говорить, «взять терми-н к врачу» от немецкого der Termin — запись, встреча). Ещё один подвид иностранных вкраплений — приведение в русскоязычном тексте названий, адресов, имён на иностранном языке без транслитерации⁵.

Варваризмы — элементы, пришедшие в русский язык из других языковых систем, являются неотъемлемой частью лексического богатства и участвуют в языковом развитии. Тем не менее, тема варваризмов достаточно дискуссионна: ряд исследователей считает, что чрезмерное использование иностранной лексики приводит к деградации литературного языка и придаёт повествованию эффект комичности. Другие лингвисты, напротив, подчёркивают положительный эффект заимствований, их способность дополнять лексическое поле и актуализировать терминологию в соответствии с современными реалиями. В художественной литературе варваризмы являются широко распространённым приёмом выразительности, обогащают текст, добавляют ему красочности.

Заимствования, в частности, варваризмы обогащают лексический состав, отражают культурные и социальные трансформации, позволяют язы-

ку быть реактивным к изменяющемуся миру, соответствовать современной мировой повестке. Однако, необходимо соблюдать баланс между сохранением языковой самобытности и принятием в язык новых элементов.

Список литературы

1. Кудряшова С. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта. Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36).
2. Гафурова Ю. Р. Экзотизмы, варваризмы и иноязычные вкрапления в британской прессе (на материале газеты «The Guardian»). Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). — Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016.
3. Воронкова И.С. О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы». Вестник ВГУ, серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 2;
4. Крысин Л. П. Русское слово своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Смахтина Ю. В. Иноязычные вкрапления в русских текстах (на материале современных СМИ). Казанский (Приволжский) федеральный университет. Terra Linguae, 2017. № 3.

УДК 811

Особенности английского языка в бизнес-коммуникации: эффективность и профессионализм

Лю Чэнчэн

студент Северо-Восточного университета (Китай, Шэньян)

Аннотация: Бизнес-коммуникация является важной частью корпоративной жизни, и язык, на котором она ведется, играет ключевую роль в успешном ведении деловых

отношений. Английский язык, как лингва-франка финансов, технологий и международной торговли, занимает центральное место в мире бизнеса. Использование английского языка в бизнес-коммуникации — это не просто средство общения, но и важный инструмент успеха в мире корпоративных взаимоотношений. Особенности этого языка, такие как профессиональный лексикон, формальность и внимание к культурным различиям, содействуют эффективному ведению деловых отношений.

***Abstract:** Business communication is an important part of corporate life, and the language used plays a key role in the success of business relationships. English, as the lingua franca of finance, technology and international trade, is central to the world of business. The use of English in business communication is not just a means of communication, but an important tool for success in the world of corporate relationships. Features of this language, such as professional vocabulary, formality and attention to cultural differences, contribute to the effective conduct of business relationships.*

***Ключевые слова:** бизнес-коммуникация, английский, лингвистика, лексика.*

***Keywords:** business communication, English, linguistics, vocabulary.*

Бизнес-коммуникация является важной частью корпоративной жизни, и язык, на котором она ведется, играет ключевую роль в успешном ведении деловых отношений. Английский язык, как лингва-франка финансов, технологий и международной торговли, занимает центральное место в мире бизнеса.

Английский часто называют глобальным языком бизнеса. Многие международные компании используют английский в качестве основного языка общения, что делает его необходимым для профессионалов во всем мире. Знание делового английского открывает двери к возможностям и позволяет вам общаться с людьми разных культур и происхождения.

Деловой английский — это специализированная форма английского языка, используемая в мире коммерции, торговли и профессиональной деятельности. Дело не только в самом языке; он включает в себя конкретный словарный запас, фразы и стиль общения, необходимые для успешного ведения бизнеса. В деловом английском большое значение имеют ясность и точность, поскольку недопонимание может привести к дорогостоящим ошибкам.

Английский в бизнесе обладает богатым словарным запасом, включающим специализированные термины, используемые в конкретных от-

раслях. Это включает финансовый жаргон, техническую терминологию, а также управленческие и маркетинговые понятия. Профессиональный лексикон обеспечивает точность и ясность коммуникации, что важно при согласовании договоров, презентациях и переговорах [1].

Профессиональный лексикон делового английского включает специализированные термины и выражения, используемые в бизнесе. Вот несколько примеров:

- ROI (Return on Investment): Отношение прибыли к инвестициям.
- KPI (Key Performance Indicator): Ключевой показатель эффективности.
- Benchmarking: Сравнение с конкурентами для определения лучших практик.
- Stakeholder: Заинтересованная сторона и многое другое

Эти термины предоставляют ясный и точный способ общения в деловой среде и являются частью профессионального лексикона бизнеса.

Грамматика — это то, как мы комбинируем слова, чтобы составлять предложения, имеющие смысл. Использование правильной грамматики приводит к лучшей коммуникации. Например, одной большой ошибкой является смешивание слов, которые звучат одинаково, но имеют разное значение, например «their», «they are» и «there». Другая ошибка — когда глагол не соответствует подлежащему, например, «The team are» вместо «The team is» [2]. Пунктуация — еще одна важная часть хорошего общения. Использование запятых, апострофов и заглавных букв в нужных местах облегчает чтение и понимание текста.

Бизнес-коммуникация требует высокой степени формальности. Английский язык предоставляет разнообразные формы выражения формальности, начиная от уважительных оборотов до использования деловых обращений. Кроме того, четкая структура предложений и письменных текстов является стандартом для бизнес-корреспонденции, что способствует пониманию и предотвращает недоразумения.

В мировом бизнесе, где часто встречаются разнообразные культуры и национальности, английский становится языком кросс-культурной коммуникации. Его широкое использование делает его нейтральным средством общения, что особенно важно в ситуациях, где участвуют представители различных языковых и культурных групп.

С развитием технологий, бизнес-коммуникация все чаще осуществляется через электронную почту и виртуальные встречи. Английский язык в этом контексте требует ясности, краткости и уважения к времени [3]. Корректное использование электронных форм общения в английском языке становится ключевым навыком в современном бизнесе.

Английский в бизнесе подчеркивает важность деловой этики. Это включает в себя умение вежливо и эффективно выражать свои мысли, уважать точки зрения коллег и партнеров, а также проявлять профессионализм в любой форме бизнес-коммуникации.

В заключение, использование английского языка в бизнес-коммуникации — это не просто средство общения, но и важный инструмент успеха в мире корпоративных взаимоотношений. Особенности этого языка, такие как профессиональный лексикон, формальность и внимание к культурным различиям, содействуют эффективному ведению деловых отношений.

Список литературы

1. Алексин А. Ю. Роль английского языка в бизнесе. Скиф // Вопросы студенческой науки, 2019, (9 (37)), 229–232.
2. Шиганова М.В., Романова Н.А., Орловская Л.А., Домрачева Т. С. Значение делового английского языка в сфере международного сотрудничества // Форум молодых ученых, 2017, (7 (11)), 867–871.
3. Савин А.Г., Домаева А. А. Значимость английского языка в бизнес среде // Общественные и экономические науки. Студенческий научный форум: электр. сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11 (11).

УДК 811

Карибский английский: язык и культурное отражение

Лю Чэнчэн

студент Северо-Восточного университета (Китай, Шэньян)

***Аннотация:** Карибский английский представляет собой fasciniрующий лингвистический феномен, сформированный в уникальной культурной и исторической обстановке Карибского региона. Как и у многих креолов и англичан, существует более одного вида карибского английского. Можно различать базилект, «креольский язык, основанный на английском языке», мезолект, «между английским и креольским языком», и акролект, «разновидности стандартного языка с региональными акцентами». Данная статья рассматривает особенности карибского английского и трудности в изучении и восприятии.*

***Abstract:** Caribbean English is a fascinating linguistic phenomenon formed in the unique cultural and historical setting of the Caribbean region. As with many Creoles and English, there is more than one type of Caribbean English. One can distinguish between basilect, “a Creole language based on English,” mesolect, “between English and Creole,” andacrolect, “varieties of standard language with regional accents.” This article looks at the characteristics of Caribbean English and the difficulties in learning and perceiving it.*

***Ключевые слова:** английский язык, диалекты, карибский английский, лингвистика.*

***Keywords:** English, dialects, Caribbean English, linguistics.*

Карибский английский представляет собой fasciniрующий лингвистический феномен, сформированный в уникальной культурной и исторической обстановке Карибского региона. Этот язык стал неотъемлемой частью многообразия и национальной идентичности стран, раскинувшихся вокруг Карибского моря. В данном эссе мы рассмотрим происхождение, особенности и культурное значение карибского английского.

Первоначально формируясь в эпоху колониального периода, карибский английский обрел уникальные черты, отличающие его от британского английского. Воздействие различных культур и языков, таких как испанский, французский, и африканские языки, сыграло важную роль

в формировании его уникального лексикона и произношения. Это привело к созданию вариантов карибского английского, таких как ямайский патуа, тобагский криол и другие, каждый со своей уникальной лингвистической спецификой.

Неро описывает различия между карибским английским и стандартным американским английским, уделяя особое внимание образовательному контексту. В данном случае контекстом были мигранты из Карибского бассейна в Северную Америку. Как она отмечает, документирование и изучение этих различий имеет последствия не только для конкретных взаимодействий и условий, но и для того, что мы подразумеваем под «языком» и «этнической принадлежностью» [1].

Одним из ключевых элементов карибского английского является его культурное отражение. Язык стал средством передачи и сохранения культурных особенностей, традиций и истории региона. Внутри языковых особенностей можно увидеть отражение карибских ритмов, обычаев, религиозных практик и повседневной жизни. Таким образом, карибский английский стал не только средством общения, но и важным элементом культурного самовыражения.

Еще одним важным аспектом карибского английского является его эволюция в современном мире. Глобализация, туризм и миграция содействуют взаимодействию этого языка с другими лингвистическими традициями. Благодаря этим влияниям карибский английский обогащается новыми словами, фразами и выражениями, что отражает изменяющийся характер общества.

Однако, несмотря на эти изменения, карибский английский остается невероятно важным компонентом карибской культуры. Он служит своего рода символом единства в многообразии и подчеркивает уникальность этого региона в мировой культурной карте.

Как и у многих креолов и англичан, существует более одного вида карибского английского. Можно различать базилект, «креольский язык, основанный на английском языке», мезолект, «между английским и креольским языком», и акролект, «разновидности стандартного языка с региональными акцентами» [2].

Поскольку акролект наиболее близок к стандартному английскому языку, он может представлять меньше возможностей для недопонимания. Но

это ставит говорящих в затруднительное положение, поскольку «базилект и особенно мезолект часто используются для утверждения «истинной» карибской идентичности в неформальной и частной сферах» [1]. Более того, базилект также подвергается стигматизации, поскольку связан с отсутствием образования и низким социально-экономическим положением.

Лексические различия будут иметь влияние на письмо, а важность письма в образовательном (и других контекстах) хорошо известна. Хотя это может и не привести к серьезному недопониманию, это может привести к неправильному пониманию предполагаемой вежливости или просто к неправильному использованию языка. В образовательном контексте Неро утверждает, что учителя, ответственные за обучение носителей карибского английского, должны быть обучены специфическим особенностям этого языка, иметь полное понимание карибской культуры и быть знакомыми с коммуникативными нормами.

Учителя должны исследовать предполагаемое значение учащихся, предоставлять возможности для использования различных вариантов английского языка и быть открытыми к различным языковым традициям как при выборе учебных материалов и мероприятий, так и при взаимодействии с учениками [3] (см. также Labov, 1982). Тогда язык сам по себе может стать темой для обсуждения и изучения, а не препятствием для понимания. Это конструктивная стратегия в любом образовательном контексте, особенно учитывая, что большинство разновидностей английского языка на самом деле не являются «стандартными»

В заключение, карибский английский представляет собой не только средство общения, но и ключевой элемент культурного богатства Карибского региона. Его разнообразие, история и влияние делают его фундаментальным элементом культурного наследия.

Список литературы

1. Nero S. Language, identity, and education of Caribbean English speakers // *World Englishes* 2006, 25 (3/4): 501–511.
2. Mooney A., Evans B. *Language, Society and Power: An Introduction*, Routledge, 2018.

3. Labov W. Objectivity and commitment in linguistic science: The case of the Black English trial in Ann Arbor // Language in Society, 1982, 11: 165–201.

УДК 821

Магический реализм в русской литературе: волшебство в реальности

Лян Чэнь

студент Университета Шихэцзы (Китай, Шихэцзы)

***Аннотация:** Магический реализм — феномен, который тесно переплетается с реальностью, вводя в повседневность элементы фантастики и волшебства. Этот стиль, характерный для литературы Латинской Америки, также нашел свое воплощение в русской литературе. В данной статье рассматриваются основные черты магического реализма, а также то, какое воплощение он нашел в русской литературе на примере романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».*

***Abstract:** Magical realism is a phenomenon that is closely intertwined with reality, introducing elements of fantasy and magic into everyday life. This style, characteristic of Latin American literature, has also found its embodiment in Russian literature. This article considers the main features of magic realism, as well as what embodiment it found in Russian literature on the example of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita".*

***Ключевые слова:** магический реализм, литература, Булгаков, Мастер и Маргарита*

***Keywords:** magical realism, literature, Bulgakov, the Master and Margarita.*

Магический реализм — феномен, который тесно переплетается с реальностью, вводя в повседневность элементы фантастики и волшебства. В мировой литературе магический реализм проявил себя в произведениях таких писателей, как Гарсиа Маркес, Исабель Альенде, Хулио Кортасар, Сальман Рушди и многих других.

Роман «Сто лет одиночества» Г. Маркеса (1967) стал классическим примером магического реализма. В произведении Гарсиа Маркеса реальность соседствует с магией, а поток сознания персонажей пронизан мифологическими и фантастическими элементами.

Кортасар часто использует магический реализм в своих рассказах и романах. «Игра в классики» (1949) и «Лавка номер шесть, угол Такиту и Варрас» (1973) демонстрируют его способность сочетать реальность с абсурдными и фантастическими элементами.

Магический реализм — это художественный стиль, который впервые появился в латиноамериканской литературе в 20-м веке и быстро распространился на литературы других регионов, включая русскую. Этот стиль объединяет элементы магии и сверхъестественного с повседневной реальностью, создавая таинственную и загадочную атмосферу [1].

Основной характеристикой магического реализма является внедрение фантастических элементов в реалистический контекст. Повседневные сцены становятся фоном для волшебных происшествий, а необычные события сливаются с обыденностью. Писатели, использующие магический реализм, стремятся создать ощущение, что сверхъестественное вплетено в ткань жизни, а магия — часть обыденности.

В контексте русской литературы, магический реализм привнес уникальные черты и смысловые акценты. Русские писатели, среди которых М. А. Булгаков, Л. Н. Андреев, и другие, использовали магический реализм как мощное средство для исследования человеческого опыта и обогащения художественного выражения.

Одним из ярких примеров магического реализма в русской литературе является «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Роман переплетает реальность и фантазию, создавая мистическую атмосферу, где ангелы и дьяволы, чары и волшебство становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Булгаков использует магический реализм, чтобы выразить свои мысли о социальных и политических аспектах жизни в Советском обществе, метафорически обращаясь к теме индивидуальной свободы и тирании.

Одним из важных элементов магического реализма является отсутствие удивления со стороны персонажей и автора по поводу происходящих чудес. Это создает атмосферу естественности и принятия необычного как неотъемлемой части мира. В русской литературе этот подход может быть найден в произведениях Михаила Булгакова, где события вроде встречи с дьяволом в «Мастере и Маргарите» воспринимаются персонажами как нечто нормальное [2].

Магический реализм также часто используется для того, чтобы выразить метафорические и философские идеи. Символика и аллегории, встречаемые в магическом реализме, позволяют писателям трансформировать реальные события в метафорические образы, отражающие глубинные аспекты человеческого опыта. В «Мастере и Маргарите», например, взаимодействие с дьяволом может быть воспринято как аллегория человеческой свободы и творчества.

Магический реализм в русской литературе не только обогащает художественное выражение, но и позволяет писателям выразить сложные идеи и чувства, которые не всегда могут быть переданы обычными языковыми средствами. Этот стиль становится мостом между реальностью и фантазией, позволяя читателям вглядываться в глубины человеческого существования и постигать мир в его многогранности [3].

Важным аспектом магического реализма в русской литературе является использование этого стиля для критики и комментирования социокультурных реалий. Писатели обращаются к фантастическим элементам, чтобы создать критический взгляд на общество и выразить свои социальные, политические и культурные убеждения. Это прослеживается, например, в произведениях В. Пелевина или В. Сорокина.

В заключение можно отметить, что магический реализм в русской литературе становится способом расширить возможности художественного выражения, обогатить текстурой повествование и создать гармонию между фантазией и реальностью. Он приглашает читателей на увлекательное путешествие в мир, где чудо — это неотъемлемая часть жизни, а магия пронизывает само существование.

Список литературы

1. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). Москва, 1998.
2. Гао Вэньхуэй. Характеристики магического реализма мастера и Маргарита // Журнал Муданьцзянского педагогического института. 2005. № 2. С. 5.
3. Кислицын К. Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение, 2011,(1), 274–277.

УДК 821

Символизм и Аллегория в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова

Лян Чэнь

студент Университета Шихэцзы (Китай, Шихэцзы)

Аннотация: «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова — произведение, где реальность переплетается с магией, а символы и аллегории раскрывают глубокие слои смысла. В статье рассматриваются образы центральных персонажей и библейские образы. Символы и аллегории в «Мастере и Маргарите» также пронизывают фоновые истории персонажей, встреч и событий. Через все эти символы и аллегории, Булгаков не только создает глубокий и запоминающийся роман, но и предоставляет читателю пространство для размышлений о жизни, любви, вере и человеческой природе.

Abstract: “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov is a work where reality is intertwined with magic, and symbols and allegories reveal deep layers of meaning. The paper examines the images of the central characters and biblical images. Symbols and allegories in The Master and Margarita also permeate the background stories of characters, encounters and events. Through all of these symbols and allegories, Bulgakov not only creates a profound and memorable novel, but also provides the reader with a space to reflect on life, love, faith, and human nature.

Ключевые слова: Булгаков, русская литература, Мастер и Маргарита, символизм.

Keywords: Bulgakov, Russian literature, the Master and Margarita, symbolism.

«Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова — произведение, где реальность переплетается с магией, а символы и аллегории раскрывают глубокие слои смысла. В этом романе, написанном в тяжелые годы советской власти, каждый образ, каждое действие, кажется, несет за собой скрытый смысл, оставляя читателя с открытым для интерпретаций текстом.

Одним из центральных символов в романе является Мастер, таинственный писатель, чье творчество и страдания выражают идеи свободы и индивидуализма. Он становится аллегорией для художника, подавленного жестокой реальностью, но стремящегося к свободе выражения своих идей. Его роман о Понтии Пилате, внутри романа, является еще одним

уровнем символизма, предостерегающим о последствиях авторитарной власти и безрассудного преследования истины. В образе Мастера и его отношениях с Маргаритой прослеживаются черты биографии самого Булгакова, который также в некоторые периоды своей биографии переживал гонение советской власти, а его роман «Мастер и Маргарита», также как и роман Мастера, пишется в стол и не публикуется долгое время.

Сатана, представленная в образе Воланда, несет в себе множество символов и аллегорий. Воланд, представляющий Сатану в романе, несет в себе библейские ассоциации с дьяволом. Его имя, Воланд, предположительно, происходит от немецкого «Völund», что означает «Вайленд» или «дьявол». В своей свите, состоящей из мастера и различных существ, Воланд исполняет роль испытателя, критика общественной нравственности, что напоминает библейский образ сатаны, испытывающего верность Иова. Он является исполнителем темной силы, но в то же время он становится критиком человеческой несправедливости и советского общества. Воланд становится неким исследователем человеческой природы, выставляя на суд нравственные и этические противоречия общества.

Маргарита, в свою очередь, олицетворяет любовь и преданность. Ее персонаж становится символом, подчеркивающим важность духовных ценностей в мире, где соблазны власти и материальные блага могут поклоняться. Сам образ Маргариты сочетает в себе три элемента: человеческий, божественный и демонический. Как человек она представлена в мире советской Москвы. Как демонический персонаж она присутствует на балу Сатаны и обнаженная летит по городу. Божественное в ней представлено через призму любви к Мастеру. Имя «Маргарита» происходит от греческого и не только наполнено мифологическими смыслами, но и связано с образом жемчуга в православной церкви.

Римский прокуратор Понтий Пилат, обреченный на вечное странствие и страдания, становится образом греха и моральной ответственности. Его постоянная конфронтация с Иешуа Га-Ноцри (Иешуа Христос) выражает сложные вопросы. История Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри (Иисуса Христа) в романе отражает библейский момент распятия на Голгофе. Булгаков переосмысливает этот эпизод, подчеркивая вопросы вины и прощения, а также тему бессмысленной жертвы.

В целом библейский символизм характерен для произведения. Вечная борьба добра и зла, веры и безверия стали лейтмотивами романа. Мастер и Маргарита можно рассматривать как переосмысленную версию библейской пары Адама и Евы. Они открывают глаза на истину и познают добро и зло, что приводит их к освобождению и пониманию смысла жизни. Роман кульминирует в сцене Воскрешения, где Маргарита спасает Мастера и они вместе покидают Москву. Этот момент аллюдирует к библейскому воскрешению и символизирует новое начало, свободу и вечную жизнь. Булгаков в «Мастере и Маргарите» умело использует библейский символизм, чтобы создать многогранный и глубокий текст, который приглашает читателя к размышлениям и толкованиям. Эти символы обогащают смысл произведения и подчеркивают его философскую и религиозную глубину.

Символы и аллегории в «Мастере и Маргарите» также пронизывают фоновые истории персонажей, встреч и событий. Через все эти символы и аллегории, Булгаков не только создает глубокий и запоминающийся роман, но и предоставляет читателю пространство для размышлений о жизни, любви, вере и человеческой природе. «Мастер и Маргарита» становится не только литературным шедевром, но и зондом, проникающим в самые темные уголки человеческой души и общества. Он приглашает читателя к разгадыванию сокровенных символов, проникновению в глубину аллегорий и, в конце концов, к постижению вечных истин.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Пьесы. Романы / составление, вступительная статья и примечание В. М. Акимова. Москва: Правда, 1991. 768 с. Текст: непосредственный
2. Колмакова О.А., Боброва А. О. Интерпретация библейского текста в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, 2021, (1), 42–47.
3. Абдурахман Д. Об образной системе романа М. А. Булгакова «Мастер Маргарита»: принципы поливалентности и антиномизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика, 2013, (1), 27–33.

УДК 811

Афроамериканский английский как этнолект английского языка

Чжоу Сяосяо

студент Синьцзянского университета (Китай, Урумчи)

***Аннотация:** Афроамериканский английский представляет собой вариант английского языка, который развился в среде афроамериканского населения в США. Этот этнолект имеет свои уникальные особенности в лексике, грамматике и произношении, которые частично обусловлены историческим, социокультурным и этническим контекстом. Афроамериканский английский стал объектом обсуждения в области образования, лингвистики и социологии. Некоторые подчеркивают его важность и богатство, в то время как другие могут относиться к нему с предвзятыми мнениями. Важно понимать, что афроамериканский английский является естественным и сложным языковым явлением, которое заслуживает внимания и понимания, а не стигматизации.*

***Abstract:** African American English is a variant of English that developed among the African American population in the United States. This ethnolect has its unique features in vocabulary, grammar, and pronunciation, which are partly due to historical, sociocultural, and ethnic contexts. African American English has been the subject of debate in education, linguistics, and sociology. Some emphasize its importance and richness, while others may hold biased views. It is important to understand that African American English is a natural and complex linguistic phenomenon that deserves attention and understanding, not stigmatization.*

***Ключевые слова:** лингвистика, этнолекты, английский, афроамериканский английский.*

***Keywords:** linguistics, ethnolects, English, African American English.*

Одним из наиболее хорошо документированных этнолектов является афроамериканский английский. Как следует из названия, афроамериканский английский ассоциируется с афроамериканской этнической принадлежностью; однако не все американцы африканского происхождения являются носителями афроамериканского английского.

Афроамериканский английский имеет много общих черт с другими разновидностями американского английского, таких как произношение

и морфология. На самом деле, есть несколько особенностей, которые встречаются только в афроамериканском английском. То есть его отличительные признаки зависят от частоты признаков или конкретных комбинаций признаков, таких как одновременное удаление связки и *habitual be*. Некоторые из наиболее заметных признаков для членов внешней группы, как правило, являются структурными.

Афроамериканский английский неоднороден по географическим регионам; таким образом, он варьируется в зависимости от того, где его приобретают носители, точно так же, как и другие разновидности американского английского [1].

Лабов и многие другие ученые также описали сложившееся в обществе представление о том, что афроамериканский английский каким-то образом лингвистически несовершенен, что это «дефектная» версия стандартного английского языка [2]. Хотя лингвисты доказали, что афроамериканский английский является логически структурированным языком, как и любой другой диалектный язык, афроамериканский английский сильно не одобряется обществом. Это негативное отношение к нему является примером сильных корней языковых идеологий и лингвистической субординации. Что касается афроамериканского английского, его восприятие показывает, что люди думают, что это не язык, а просто вырожденная форма английского [1].

Все лингвисты сходятся во мнении, что нестандартные диалекты представляют собой высокоструктурированные системы; они не рассматривают эти диалекты как скопление ошибок, вызванных неспособностью их носителей овладеть стандартным английским языком. Когда лингвисты слышат, как чернокожие дети говорят «*He crazy*» или «*Her my friend*», они не слышат «примитивный язык» [3].

Вера в то, что носители языка афроамериканского английского неразумны или в некотором роде лишены когнитивных способностей, является устойчивым заблуждением, которое распространяется на носителей других нестандартных разновидностей. Роза, описывая взаимодействие этнической принадлежности и языка у латиноамериканского населения в США, объясняет это следующим образом: «может показаться, что восприятие определенных нестандартизированных практик на самом деле

может расизировать население, представляя его неспособным к созданию какого-либо легитимного языка' [4]. Такого рода неправильные представления могут иметь серьезные последствия с точки зрения образования, доступа к трудоустройству и того, как человека в целом воспринимают. Исследования говорят нам, что даже нескольких признаков афроамериканского английского достаточно, чтобы инициировать идентификацию говорящего как представителя афроамериканской этнической принадлежности. Это говорит о том, что в этих речевых сообществах афроамериканский английский является заметной разновидностью

В то же время, как и многие маргинализованные разновидности, афроамериканский английский также несет в себе множество положительных коннотаций в сообществе носителей языка. Это ставит носителей языка в трудное положение. Рахман (2008) изучил взгляды афроамериканцев среднего класса на и афроамериканский английский то, как они его используют. Она излагает главную проблему: дилемма для многих афроамериканцев заключается в том, что язык, который служит символом этнической идентичности, может также служить объектом дискриминации в обществе в целом, а язык, который может быть полезен для социально-экономического прогресса, может вызвать подозрения в афроамериканском сообществе. Она называет эту дилемму «лингвистическим толчком» [5] проблемой, с которой сталкиваются многие носители маргинализованных социолектов.

Афроамериканский английский, как и многие другие этнолекты, стал объектом обсуждения в области образования, лингвистики и социологии. Некоторые подчеркивают его важность и богатство, в то время как другие могут относиться к нему с предвзятыми мнениями. Важно понимать, что афроамериканский английский является естественным и сложным языковым явлением, которое заслуживает внимания и понимания, а не стигматизации.

Список литературы

1. Wolfram W. A., Schilling-Estes N. American English: Dialect and Variation. Oxford: Wiley Blackwell. 1998.

2. Labov W. The logic of nonstandard English, in Alatis, J. // Georgetown Monographs on Language and Linguistics, 1970, Vol. 22. Washington, DC: Georgetown University Press: 1–44.
3. Labov W. Academic ignorance and Black intelligence // The Atlantic, 1972, June: 59–67.
4. Rosa J. D. Standardization, racialization, languagelessness: Raciolinguistic ideologies across communicative contexts // Journal of Linguistic Anthropology, 2016, 26 (2): 162–183.
5. Rahman J. Middle class African Americans: Reactions and attitudes toward African American English // American Speech, 2008, 83 (2): 141–176.

УДК 811

Особенности перевода в энергетическом секторе

Чжоу Сяосяо

студент Синьцзянского университета (Китай, Урумчи)

***Аннотация:** Энергетический сектор нуждается в переводческих услугах для обеспечения бесперебойной и точной работы. Высококачественные переводы необходимы, чтобы избежать ошибок, которые могут привести к угрозам безопасности или финансовым потерям. Лингвисты по переводу в энергетике должны обладать как техническими знаниями, так и культурной компетентностью. Технические знания необходимы для перевода сложных технических документов, в то время как культурная компетентность гарантирует, что перевод будет уместным и эффективным в различных контекстах. Услуги по переводу в сфере энергетики имеют решающее значение для бизнеса, поскольку они должны общаться с клиентами и партнерами на разных языках.*

***Abstract:** The energy sector needs translation services to ensure smooth and accurate operations. High-quality translations are essential to avoid errors that could lead to security threats or financial losses. Translation linguists in the energy industry must have both technical knowledge and cultural competence. Technical knowledge is necessary to translate complex technical documents, while cultural competence ensures that the translation is appropriate and effective in a variety of contexts. Translation services in the energy sector are crucial for businesses as they need to communicate with customers and partners in different languages.*

Ключевые слова: бизнес, перевод, энергетика, лингвистика.

Keywords: business, translation, energy, linguistics.

Энергетический сектор постоянно развивается и расширяется по всему миру. В связи с растущим спросом на решения в области устойчивой энергетики отрасль должна быть оснащена всем необходимым для эффективного взаимодействия с международными партнерами и клиентами. Именно здесь на помощь приходят услуги письменного и устно-переводческого перевода, оказывающие неоценимую помощь в преодолении языковых барьеров и обеспечивающие беспрепятственное общение.

Энергетические компании должны соблюдать различные правила и стандарты, гарантируя, что каждый перевод полностью соответствует этим правилам. Развитие и экспансия экономики и обеспечение электроэнергией в значительной степени зависят от энергетического сектора. Следовательно, переводы в энергетической отрасли имеют первостепенное значение для достижения результатов трансформации и международного успеха компании.

Энергетический сектор нуждается в переводческих услугах для обеспечения бесперебойной и точной работы. Высококачественные переводы необходимы, чтобы избежать ошибок, которые могут привести к угрозам безопасности или финансовым потерям. Лингвисты по переводу в энергетике должны обладать как техническими знаниями, так и культурной компетентностью. Технические знания необходимы для перевода сложных технических документов, в то время как культурная компетентность гарантирует, что перевод будет уместным и эффективным в различных контекстах. Услуги по переводу в сфере энергетики имеют решающее значение для бизнеса, поскольку они должны общаться с клиентами и партнерами на разных языках. Кроме того, специалисты по переводу в сфере энергетики должны соблюдать строгую политику конфиденциальности и быть знакомы с правилами и стандартами для обеспечения соответствия. Наконец, отличные навыки управления проектами необходимы для переводов в области энергетики из-за междисциплинарных требований, предъявляемых к проектам перевода в области энергетики. В целом, услуги по пере-

воду в области энергетики позволяют энергетическим компаниям вести бизнес с людьми из разных стран и культур, что делает их незаменимыми для энергетической отрасли

Энергетический сектор — сложная и быстро меняющаяся отрасль, требующая специальных знаний в различных областях. Различные типы контента для энергетического сектора включают следующее: Контракты, Оценки и отчеты о воздействии на окружающую среду, Финансовые отчеты и ведомости, Маркетинговый контент и рекламные материалы, Отчеты по охране труда и технике безопасности, Технические руководства, Презентации, Пресс-релизы, Чертежи AutoCAD, Соглашения с сайтом, Руководства по оборудованию, Руководства пользователя, Справочники сотрудников, Техническая документация, Отчеты об обследованиях, Требования к информационным технологиям, Таблицы управления терминологией.

Перевод этих документов требует многолетнего опыта, знания юридической терминологии и нормативных актов, науки об окружающей среде, правил финансовой терминологии и культурных различий. В результате услуги профессионального перевода имеют решающее значение для энергетического сектора. Эти услуги включают точные переводы, устный перевод и индивидуальные глоссарии.

С помощью профессиональных переводчиков, имеющих опыт работы в энергетическом секторе, компании могут гарантировать, что их документы переведены точно, с учетом культурных особенностей и соответствуют необходимым стандартам. В такой высокотехнологичной отрасли точные переводы необходимы для предотвращения недопониманий или ошибок, которые могут иметь серьезные юридические последствия.

Перевод текстов для энергетической отрасли требует технических знаний и точности. Переводчики должны глубоко разбираться в технической терминологии, жаргоне, концепциях и стандартах, используемых в отрасли. Это имеет решающее значение для поддержания точности и последовательности на протяжении всего процесса перевода.

Обеспечение качества имеет решающее значение в энергетическом секторе для обеспечения безошибочного перевода. Переводчики должны

соблюдать строгие меры контроля качества, включая вычитку, редактирование и рецензирование экспертами в данной области. Культурная компетентность не менее важна, поскольку документы по энергетике часто предполагают работу с людьми из разных стран и культур [1]. Следовательно, переводчики должны глубоко понимать культурные различия и использовать эти знания для создания точных переводов, которые находят отклик у целевой аудитории.

В энергетической отрасли обеспечение безопасности и конфиденциальности данных имеет первостепенное значение. Переводчики в этой области должны придерживаться строгой политики конфиденциальности и принимать соответствующие меры для защиты конфиденциальной информации во время перевода. Предприятия могут предпринять несколько шагов для защиты своих данных, в том числе использовать технологию шифрования и иметь план резервного копирования на случай утечки данных. Сделав безопасность данных своим главным приоритетом, компании энергетической отрасли могут гарантировать, что их переводы будут точными, своевременными и безопасными.

Эффективный перевод для энергетической отрасли предполагает обеспечение качества локализации. Этого можно достичь путем внедрения установленных бизнес-процессов, четкой коммуникации, своевременной доставки и превышения ожиданий клиентов. Также важно использовать программы и инструменты обеспечения качества для обеспечения точности и качества локализованного контента [2]. Регулярный мониторинг и просмотр локализованного контента может помочь выявить и исправить ошибки, в то время как установление совместных рабочих отношений с экспертами в данной области может обеспечить точность.

Машинный перевод и бесплатные онлайн-сервисы перевода не рекомендуются, поскольку они часто приводят к неточностям и неправильному толкованию. Вместо этого важно выбрать профессионального переводчика с опытом работы в энергетической отрасли, который может обеспечить точные и надежные переводы. Инвестиции в профессиональные услуги энергетического перевода необходимы предприятиям отрасли, поскольку точность и качество являются ключевыми факторами. Хотя некоторые услуги онлайн-перевода и машинного перевода могут

быть удобными, они часто не обеспечивают точного перевода технического языка и отраслевой терминологии. Чтобы избежать неправильного толкования и неточных переводов, лучше избегать подобных услуг и выбрать профессиональную службу, специализирующуюся на энергетической отрасли.

При переводе контента для энергетической отрасли важно иметь надежный процесс локализации. Без надежного подхода к локализации точность и качество ваших переводов могут быть поставлены под угрозу. Надежный процесс локализации гарантирует, что ваш переведенный контент будет доставлен нужному клиенту на нужном языке, что важно для укрепления доверия и поддержания долгосрочных отношений. Кроме того, процесс локализации необходим для обеспечения точности вашего перевода. Это включает используемый язык и техническую терминологию, специфичную для энергетической отрасли [3]. Доступно множество типов процессов локализации, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Важно выбрать стратегию, соответствующую конкретным потребностям и целям вашего бизнеса. Благодаря надежному процессу локализации вы можете обеспечить высочайшее качество переводов для энергетической отрасли.

Когда дело доходит до перевода документов для энергетической отрасли, важно работать со специализированными переводчиками, которые досконально разбираются в различных темах. Это включает, в частности, переработку отходов, управление водными ресурсами и электроэнергией. Перед началом процесса перевода документы тщательно анализируются, чтобы убедиться, что специалисты по переводу понимают цели и задачи. Одной из самых больших проблем при переводе для энергетического сектора является использование сложного жаргона. Это может сбивать с толку и затруднять понимание потенциальными клиентами, затрудняя построение отношений. Чтобы упростить сложный жаргон, важно использовать синонимы или альтернативные термины, которые легче понять.

В целом, перевод в энергетической сфере требует от переводчиков технической компетентности, внимательности к деталям и умения эффективно коммуницировать с экспертами в данной области. От успешного перевода может зависеть эффективность бизнеса.

Список литературы

1. Кланцакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования (на материале англ. языка) [Текст]: дис. канд. филол. наук:10.02.04 / А. Ю. Кланцакова. — Иркутск, 2003. — С. 55–86.
2. Овсянников В. В. Переводческие проблемы терминологии делового английского // Язык и культура. Теория и практика перевода, 2004. — № 7. Т. VIII. — С. 75–79.
3. Зотова И. А., Гузова А. В. Особенности перевода бизнес-идиом в англоязычном экономическом дискурсе // Успехи в химии и химической технологии, 2013, 32 (4 (200)), 150–152.

УДК 811

Семантическое пространство современного текста в русском языке

Чжан Жуй

студент Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация: Семантическое пространство художественного текста представляет собой сложную систему взаимосвязанных значений, символов и концепций, которые формируют смысл произведения. Это пространство включает в себя множество элементов, которые работают вместе для создания глубокого и многозначного опыта для читателя. Эти элементы, а также особенности семантического пространства, учтены в данной статье.

Abstract: The semantic space of an art text is a complex system of interrelated meanings, symbols and concepts that form the meaning of a work. This space includes many elements that work together to create a deep and multiple meaning experience for the reader. These elements, as well as the features of semantic space, are taken into account in this paper.

Ключевые слова: литература, русский язык, хронотоп, филология, семантическое пространство.

Keywords: literature, Russian language, chronotope, philology, semantic space.

Семантическое пространство художественного текста представляет собой сложную систему взаимосвязанных значений, символов и концепций, которые формируют смысл произведения. Это пространство включает в себя множество элементов, которые работают вместе для создания глубокого и многозначного опыта для читателя.

Слова, используемые в тексте, обладают не только прямым лексическим значением, но и могут нести эмоциональную, символическую или метафорическую нагрузку. Автор может использовать слова с целью создания определенного настроения или передачи определенных концепций. Художественные тексты часто используют символы и метафоры для выражения сложных идей и образов. Эти символы несут в себе глубокий смысл, который может быть интерпретирован различными способами читателями.

Текст может включать в себя определенные темы или мотивы, которые создают основную идею или повторяющиеся элементы, например, символика времени, любви, смерти и т.д.

Семантика текста часто связана с эмоциональным воздействием на читателя. Автор может использовать различные стили и тон, чтобы передать определенные чувства и настроения. Контекст и образы, созданные языком и структурой текста, играют важную роль в формировании семантического поля.

Характеры, их действия и взаимоотношения также вносят свой вклад в семантическое пространство. Изменения в характерах и их развитие часто служат отражением глубоких тем и идей. Описание мест, событий и образов влияет на восприятие текста. В литературном произведении, помимо описания человека, также важны универсалии времени и пространства. Они близко соединены между собой и формируют хронотоп. Человек в тексте находится в определенном месте и времени, что становится неотделимой частью его изображения. Категории «время» и «пространство», связанные с образом автора текста, позволяют нам узнать о его знаниях о мире и выполняют функцию координации и моделирования. Когда эти категории соотносятся с персонажами, то они помогают конкретизировать характеры героев.

Современные художественные тексты могут быть гипертекстуальными, что означает, что они содержат множество внутренних ссылок, интер-

текстуальных связей и аллюзий, расширяющих семантическое пространство. Гипертекстуальность в литературе означает использование текста, который содержит множество внутренних и внешних ссылок, перекрестных связей и ассоциаций, позволяя читателю более активно взаимодействовать с материалом. В тексте могут быть встроены ссылки на другие части произведения. Это может включать переключение между главами, вложенные истории, флешбеки и другие элементы, создающие внутренние связи. Автор может включать в текст внешние ссылки на другие литературные произведения, исследования, статьи или внешние источники, чтобы обогатить контекст или предоставить читателю дополнительные материалы для изучения. Гипертекстуальность может также включать в себя игры с языком, такие как использование игр слов, анаграмм, или создание новых слов и терминов, что придает тексту нестандартность и креативность.

Установленной является идея о том, что вершиной иерархии семантических компонентов в тексте является индивидуально-авторская концепция мира. Это объясняется тем, что любое произведение является субъективным отображением объективного мира реальности.

Для описания содержания наиболее сложного языкового знака — текста, был введен термин «семантическое пространство». В рамках этого подхода текст рассматривается в двух измерениях: во-первых, как последовательность знаков, линейно расположенных друг за другом, а во-вторых, как совокупность смыслов, которые эти знаки несут. В терминах пространства, текст можно представить как пространство, где одни знаки непосредственно следуют за другими, а другие знаки могут быть расположены в более сложных и смысловых отношениях с другими знаками. В конечном итоге, семантическое пространство представляет собой контекст, в котором знаки приобретают значения и формируют текст.

Семантическое пространство текста — это мыслительный образ, который формируется в процессе взаимодействия двух факторов: первый — это сама литературная работа, состоящая из слов, фраз и сложных конструкций, которые автор намеренно выбрал для своей цели; второй — это интерпретация текста, которую производит читатель во время его восприятия. В результате этих двух факторов читатель создает в своем разуме свое

собственное представление о том, что автор имел в виду, и какие смыслы и мысли были закодированы в тексте. Таким образом, семантическое пространство текста — это продукт взаимосвязь между авторской интенцией и интерпретацией читателем.

Семантическое пространство художественного текста является результатом тонкого взаимодействия различных языковых и литературных средств. Это пространство дает читателю возможность исследовать и интерпретировать текст на разных уровнях, делая процесс чтения богатым и глубоким.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

УДК 811

Использование художественного текста для обучения русскому языку как иностранному (на материале рассказа Н. Тэффи «Блины»)

Чжан Жуй

студент Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация: Использование художественных текстов для изучения иностранного языка — это отличный и эффективный способ обогащения языковых навыков и погружения в культуру языка. Использование художественных текстов в обучении иностранному языку делает процесс более увлекательным и контекстуализированным, что способствует более глубокому пониманию языка и его культурных аспектов. В статье даются рекомендации по организации занятия по русскому языку в иностранной аудитории с использованием художественного текста. На примере текста рассказа

русской писательницы Надежды Тэффи «Блины» разбираются варианты заданий и способы подачи материала.

Abstract: *Using fiction texts to learn a foreign language is an excellent and effective way to enrich language skills and immerse in the culture of the language. Using fiction texts in foreign language teaching makes the process more engaging and contextualized, which contributes to a deeper understanding of the language and its cultural aspects. The article gives recommendations on the organization of the Russian language class in a foreign audience with the use of fiction text. On the example of the text of the Russian writer Nadezhda Taffy's story "Bliny" the variants of tasks and ways of presentation of the material are analyzed.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, художественный текст, русская литература в преподавании РКИ, преподавание.*

Keywords: *Russian as a foreign language, Literary text, Russian literature in the teaching of the Russian as a foreign language, teaching.*

В практике преподавания русского языка как иностранного аутентичные художественные тексты играют важную роль. Они часто привлекаются в качестве материала для занятий со студентами разных уровней владения языком. Текст является организующим началом — вокруг него строятся языковые задания и упражнения. При выборе текста для занятий с иностранными студентами необходимо соблюдать определённые критерии. Текст должен быть не только интересен учащимся, он должен обогащать их языковые и страноведческие знания, тем самым мотивируя к изучению русского языка.

В современном мире, где границы стираются, а культурное взаимодействие становится все более интенсивным, умение говорить на нескольких языках становится неотъемлемым компонентом образования и культурного обогащения. Одним из эффективных методов обучения иностранным языкам является использование художественных текстов. Этот подход не только разнообразен, но и проникнут культурными нюансами, что делает процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Художественные тексты, будь то романы, стихи или короткие рассказы, предоставляют языковому ученику уникальную возможность погружения в живой, естественный языковой контекст. Чтение художественных произведений позволяет ощутить не только форму и структуру языка, но

и внутренний мир культуры, на котором он базируется. Этот метод создает атмосферу, в которой язык перестает быть просто набором слов и становится средством выражения идентичности и чувств.

Одним из преимуществ использования художественных текстов является развитие лексики. Чтение произведений разных стилей и жанров обогащает словарный запас и предоставляет ученику уникальную возможность увидеть, как разные авторы используют слова для создания атмосферы, характеров и сюжета. Кроме того, контекст, в котором употребляются слова в художественных текстах, помогает лучше понимать их значения и нюансы.

Грамматика, важный компонент изучения языка, также усиливается при использовании художественных произведений. Ученик встречается с разнообразными грамматическими конструкциями, стилями и формами, что способствует формированию более гибкого и нюансированного владения языком. Чтение и анализ предложений, структуры текста и использование временных форм в реальных контекстах делает учебный процесс более органичным и легко усваиваемым.

Важным аспектом является исследование культурного контекста. Художественные тексты не только раскрывают грамматические тонкости, но и предоставляют взгляд на культурные особенности и ценности. Ученик, читая произведения разных национальных писателей, углубляется в менталитет и обычаи страны, изучаемого языка. Это способствует более глубокому и пониманию культурного контекста, что важно для правильного и естественного использования языка.

Дополнительные преимущества включают развитие навыков аудирования через аудиоверсии художественных произведений, творческое написание на основе прочитанного, ролевые игры, обсуждение текстов в группе и сравнение оригинала с переводом.

В данной статье мы рассмотрим на примере рассказа Надежды Тэффи «Блины» этапы работы с художественным текстом на занятии по русскому языку как иностранному.

В первую очередь при выборе текста необходимо обратить внимание на его объем и употребляемую в нем лексику. Выбранный нами рассказ короткий, он может быть прочитан на занятии совместно с преподавателем.

лем. Основная лексика знакома студентам, владеющим русским языком на уровне В1.

Традиционно в практике работы с текстом на занятиях по РКИ выделяют предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания. Первый этап — это подготовка к чтению текста — знакомство с биографией автора, историческим контекстом.

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая) (1872–1952) - русская писательница и поэтесса, переводчица, автор юмористических рассказов. Тэффи называли «королевой русского юмора». Ее популярность была так высока, что в ее честь были названы духи и конфеты. Поклонником творчества Тэффи был даже император Николай II.

Следующий этап предтекстовой работы — семантизация сложных слов.

Посмотрите в словаре значение следующих слов: восхищаться-восхититься)(кем? чем?), взаимное (не)доверие, достоинство, задумываться—задуматься (о ком? о чём? над чем?), яд (ядовитый), обожать кого? что?, (не)переносить(кого? чего? кого? что?), печь (пеку, печёшь, печёт...) что?, перешёптываться, торжествующий, свистеть, шипеть пафос, (не) прилично.

Вторым критерием отбора является соответствие темы художественного текста определённой коммуникативной теме курса. В первой части рассказа представлена беседа русских и итальянцев. Они рассказывают о достоинствах своих стран. Русские пытаются объяснить итальянцам, что такое блины. Текст данного рассказа целесообразно использовать в рамках изучения темы о национальной русской кухне и масленице.

Притекстовая и послетекстовая работа предполагает вопросы и задания на понимание текста, лексико-грамматические упражнения.

Ответьте на вопросы: Какие русские праздники вы знаете? Что такое масленица? Какой символ масленицы и главное блюдо? Какие еще национальные русские блюда вы знаете? Почему русские и итальянцы говорили только на приятные темы? Что итальянцам им нравится в России? Что думают итальянцы о русском языке? А об итальянском? Что думают о русском языке русские? Русские сказали правду о русском алфавите? Почему итальянцы пригласили русских в Италию в начале весны? Что пытались объяснить итальянцам русские?

Образуйте словосочетания по модели:

Есть блины с чем? Сметана — со сметаной.

Масло, икра, рыба, варенье, мёд.

Текст носит юмористический характер. Полезно будет обсудить со студентами, как именно выражается ирония в тексте. Учитель математики пытается объяснить, что такое блины с помощью сложных мудреных терминов, еще больше запутывая итальянцев. При анализе текста можно обратить внимание на комичный эффект и неуместность научного стиля.

Ответьте на вопросы: Что такое ирония? В этом рассказе есть ирония? В какие моменты мы ее видим? Почему итальянцы не поняли объяснений учителя?

Расскажите о каком-нибудь традиционном блюде вашей страны. Расскажите о каких-нибудь национальных традициях вашей страны, которые трудно объяснить иностранцу.

Таким образом, мы рассмотрели пример использования художественного текста на занятии по русскому как иностранному. Краткость, простота, ситуативность и в то же время богатство и выразительность языка рассказов Тэффи определяют их высокий лингводидактический потенциал как хорошего текстового материала для чтения и обсуждения на занятиях по русскому языку. Рассказы Тэффи могут быть полезны при формировании навыков в различных видах речевой деятельности. Они короткие по объему, что делает их доступными для прочтения в рамках одного занятия, написаны живым разговорным языком, моделируют реальные коммуникативные ситуации, что незаменимо при обучении речи. Тэффи использует в своих рассказах иронию, комизм, произведения наделены эмоциональным потенциалом, что повышает мотивацию студентов к изучению текста, обилие выразительных средств, афоризмов, устойчивых выражений дает возможность для лексико-грамматического анализа.

Список литературы

1. Миксюк Р. В. Художественный текст на уроках русского языка как иностранного // Высшее техническое образование. 2019. № 1. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Гайворонская В. В. Ковтун Н. Н. Художественный текст на занятиях по РКИ со студентами-филологами. // Национальный технический университет «Харьковский политехнический университет» URL: <https://core.ac.uk/display/79661655?source=2> (дата обращения: 13.01.2024).
 3. Елизарова М. М. Языковая личность эмигранта в рассказах Тэффи 1920–40-х годов: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербургский государственный университет. 1999 URL: <https://cheloveknauka.com/v/27013/d#?page=1> (дата обращения: 13.01.2024).
 4. Тэффи Н. Блины. URL: <https://nukadeti.ru/rasskazy/tehfifi-bliny> (дата обращения: 13.01.2024).
 5. Зайцева И.А. К вопросу о методике работы над художественным текстом на уроке РКИ / И. А. Зайцева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 13 (147). — С. 558–560. — URL: <https://moluch.ru/archive/147/41296/> (дата обращения: 14.01.2024).

УДК 81

Релятивизм и детерминизм в лингвистике

Цяо Вэньсинь

студент Хэйлунцзянского института иностранных языков (Китай, Харбин)

***Аннотация:** Релятивизм и детерминизм — это две противоположные концепции в лингвистике, описывающие взаимосвязь между языком и мышлением, культурой и обществом. Релятивизм — это концепция, согласно которой язык отражает особенности говорящего сообщества. В отличие от релятивизма, детерминистская точка зрения утверждает, что язык определяет мышление и формирует понимание мира. Существует дискуссия между этими двумя подходами. В современной лингвистике обычно признают, что реальность может содержать элементы обоих подходов.*

***Abstract:** Relativism and determinism are two opposing concepts in linguistics that describe the relationship between language and thought, culture and society. Relativism is the concept that language reflects the characteristics of the speaking community. In contrast to relativism, the determinist view argues that language determines thinking and shapes understanding of the*

world. There is a debate between these two approaches. Modern linguistics generally recognizes that reality may contain elements of both approaches.

Ключевые слова: лингвистика, детерминизм, релятивизм, язык, мышление.

Keywords: linguistics, determinism, relativism, language, thinking.

Релятивизм и детерминизм — это две противоположные концепции в лингвистике, описывающие взаимосвязь между языком и мышлением, культурой и обществом. Релятивизм — это концепция, согласно которой язык и его структуры отражают культурные, социальные и когнитивные особенности говорящего сообщества. Релятивизм подчеркивает, что язык формирует способы мышления и восприятия мира. Так, различные языки имеют разные грамматические структуры, лексику и способы выражения мыслей, что может отразить разные культурные особенности. В отличие от релятивизма, детерминистская точка зрения утверждает, что язык определяет мышление и формирует понимание мира, причем это происходит единообразно для всех людей. Согласно детерминистской позиции, язык является основным фактором, определяющим мышление и культурные установки.

Гипотеза Сапира-Уорфа опирается на языковое разнообразие, поскольку рассматривает, какие значения мы можем приписать этому разнообразию. Аргумент заключается в том, что из-за некоторых аспектов языкового разнообразия разные языки представляют мир по-разному, и это имеет последствия для того, как люди видят реальность и думают о мире. Сапир пишет: «Миры, в которых живут разные общества, — это разные миры, а не просто один и тот же мир с прикрепленными к нему разными ярлыками» [1]. Сапир был лингвистом-антропологом и столкнулся с различными способами представления мира языками. Его гипотеза предполагает, что язык, на котором говорят люди, оказывает влияние на то, как они видят мир (реальность), а также на то, как они думают. То есть языковое разнообразие — это не просто различия между языками; утверждение состоит в том, что эти различия имеют последствия.

В своей простейшей форме эта гипотеза утверждает, что язык, на котором мы говорим, оказывает влияние на то, как мы думаем. Это спорно во многих отношениях. Первое, что следует учитывать, — это то, насколько

сильно язык может влиять на мышление. Строгую интерпретацию этой гипотезы часто называют лингвистическим детерминизмом, подразумевая, что язык, на котором вы говорите, определяет способ вашего мышления. Это говорит о том, что если существует концепция, для обозначения которой в вашем языке нет слова, вы не сможете ее представить. Именно эта концепция лежит в основе языка под названием «новояз», который является особенностью мира, описанного в романе Джорджа Оруэлла «1984». В этом вымышленном мире правительство обеспечивает жителей новоязом, очень специфическим набором слов, которые предполагается использовать очень специфическим образом. Правительство считает, что, заставляя граждан использовать новояз, граждане будут думать и вести себя так, как того желает правительство.

Но язык позволяет нам создавать новые значения, будь то слова для обозначения новых объектов, концепций или элементов специального языка. В наши дни идея о том, что язык полностью определяет мышление, подвергается сильному сомнению. Если бы лингвистический детерминизм был верен, было бы очень трудно создавать новые слова (как можно было бы определить необходимость в них?). Также было бы невозможно понять понятия в других языках (например, «hugge»).

Тогда возникает вопрос, влияет ли язык вообще каким-либо образом на мышление и поведение? Бенджамин Уорф, который был лингвистом-любителем и инспектором полиции, утверждал, что между ними существует некоторая связь. В своей работе он заметил, что люди ведут себя в соответствии с тем, как вещи обозначены, а не с точки зрения того, чем они являются на самом деле. Самый известный пример из его работы пожарным инспектором — это то, как люди бросали окурки в бочки из-под масла с надписью «empty». Несмотря на то, что «пустой» может сигнализировать о доброкачественном отсутствии, в случае масла и других легко воспламеняющихся материалов даже небольшое количество остаточного материала в функционально «пустом» контейнере может быть каким угодно, только не доброкачественным. Как говорит Уорф, « «пустые» бочки, возможно, более опасны, поскольку содержат взрывоопасные пары» [2]. Несмотря на вполне реальную опасность, знак «пустые», по-видимому, поощрял рискованное поведение.

Лингвистический релятивизм, версия гипотезы Сапира-Уорфа, которая действительно кажется правдоподобной, гораздо менее ограничительна, чем лингвистический детерминизм. Это предполагает, что язык, как и в случае с «пустым» в примере Уорфа, действительно влияет на то, как мы думаем. Однако, если связь между языком и мышлением не абсолютна (как того требует детерминизм), то как далеко она заходит? Возможно, было бы полезно думать о лингвистическом релятивизме как о том, как язык влияет на то, как мы обычно думаем; а не о том, как язык определяет мышление.

Лингвист Джон Люси использует фразу «привычное познание» [3], чтобы продемонстрировать, что лингвистический детерминизм — это не способ объяснить связь между языком и мышлением. То есть, более широкая точка зрения, принятая здесь, заключается не в том, что языки полностью или перманентно закрывают носителей языка от других аспектов реальности. Скорее, они предоставляют носителям языка систематическую предвзятость по умолчанию в их привычных реакционных тенденциях [3]. Люси утверждает, что знаки и структура языка влияют на мышление. Это гораздо более скромный аргумент, чем аргумент лингвистического детерминизма. Это также невероятно полезно не только для сравнения разных языков и того, как они представляют мир, но и для того, чтобы обратить внимание на более локализованное и специализированное использование языка внутри языка. Например, у некоторых групп носителей английского языка также будет обычный способ описания чего-то, чего нет у других.

Привычный образ мышления может быть очень важен. Очевидно, что привычки можно изменить, но для этого требуются усилия и воля. Более того, как правило, мы не осознаем своих привычек мышления. Вам когда-нибудь казалось необычным, что мы описываем пространство в терминах «слева» и «справа», «впереди» и «позади», то есть по отношению к телу, обращенному вперед? Вы, вероятно, не задумывались, поскольку это кажется нормальным; это привычно. В некоторых языках пространство и местоположение описываются в зависимости от точек компаса, то есть от того, является ли что-то «севером» или «югом». Это, безусловно, привычка, которой мы все могли бы научиться, но потребуется время, прежде чем она станет привычной. До тех пор мы, вероятно, думали бы в терминах «левого» и «правого», а затем (с помощью мысленного компаса) переводили в новую систему.

Существует дискуссия между этими двумя подходами. Некоторые исследователи придерживаются релятивистской точки зрения, утверждая, что языковая и культурная разнообразность формирует уникальные способы мышления. Другие склонны к детерминистскому взгляду, утверждая, что язык обуславливает универсальные паттерны мышления.

В современной лингвистике обычно признают, что реальность может содержать элементы обоих подходов. Язык может одновременно отражать культурные и когнитивные особенности сообщества, но также существуют универсальные аспекты языка и мышления, которые могут быть общими для всех людей.

Список литературы

1. Sapir E. The status of linguistics as a science, in Sapir, E., Culture, Language and Personality (ed. D. G. Mandelbaum). Berkeley, CA: University of California Press. 1958.
2. Whorf B. The relation of Habitual thought and behaviour to language, in Hayakawa, S. I. (ed.) Language, Meaning and Maturity: Selections from Etc., a Review of General Semantics, 1943–1953. New York: Harper, 1954
3. Lucy J. Through the window of language: Assessing the influence of language diversity on thought, Theoria, 2005.

УДК 81

Использование английского как языка преподавания в неанглоязычных странах в перспективе стран Персидского залива

Цяо Вэньсинь

студент Хэйлунцзянского института иностранных языков (Китай, Харбин)

Аннотация: Использование английского как языка преподавания в неанглоязычных странах растет во всем мире на всех уровнях образования, но особенно в частных средних и высших учебных заведениях. Использование английского языка идет рука об

руку с глобализацией и неолиберальными идеологиями, где знание английского языка связано с возможностью трудоустройства и успехом. Ранее это было характерно для стран Европы, но сейчас эта тенденция также перешла на страны Персидского залива. Это расширяет возможности вузов, но может угрожать национальной идентичности.

Abstract: *The use of English as the language of instruction in non-English speaking countries is increasing worldwide at all levels of education, but especially in private secondary and tertiary institutions. The use of English goes hand in hand with globalization and neoliberal ideologies where English language skills are linked to employability and success. Earlier this was characteristic of European countries but now this trend has also moved to the Gulf countries. This empowers higher education institutions but can threaten national identity.*

Ключевые слова: *английский язык, преподавание, Персидский залив, культурная идентичность, межкультурная коммуникация.*

Keywords: *English, teaching, Persian Gulf, cultural identity, intercultural communication.*

Использование английского как языка преподавания в неанглоязычных странах растет во всем мире на всех уровнях образования, но особенно в частных средних и высших учебных заведениях [1]. Использование английского языка идет рука об руку с глобализацией и неолиберальными идеологиями, где знание английского языка связано с возможностью трудоустройства и успехом.

Рейтинговые организации, в соответствии с которыми различные критерии используются для сравнения университетов по всему миру, выступают в качестве мотивирующего фактора для внедрения ЕМІ. Поскольку британские и североамериканские университеты неизменно занимают первые места в мировых рейтингах университетов, таких как Quacquarelli Symonds (QS) [2], желание подражать особенностям этих университетов, чтобы подняться в рейтинге, распространено среди вузов. Отличительными чертами успеха университетов с высоким рейтингом являются преподавание на английском языке и плодотворные и результативные научные исследования. Поскольку большинство академических книг и журналов публикуются на английском языке, разумно, что исследования и письменные работы должны вестись на этом языке, чтобы обеспечить как можно более широкую международную читательскую аудиторию.

Университетам также нужны «лучшие» студенты, что часто означает привлечение иностранных студентов и выпускников, которые не стали бы посещать занятия, если бы обучение велось в принимающей стране на ее языке. Например, голландские университеты с английским языком преподавания часто привлекают студентов из соседних стран [2], а скандинавские университеты предлагают курсы «в подавляющем большинстве на английском языке» [2], чтобы привлечь студентов со всего мира.

В контексте Персидского залива филиалы западных университетов, таких как Нью-Йоркский университет Абу-Даби, Джорджтаунский университет Доха и Университет Эксетера в Дубае, привлекают студентов в основном из стран Персидского залива с большим количеством экспатриантов, а также из-за рубежа. Даже государственные университеты в странах Персидского залива, которые традиционно были резервированы исключительно для местных жителей, начали искать и привлекать иностранных студентов. Например, Университет Зайда в ОАЭ принял своих первых 20 эритрейских студентов в 2016 году. Равным образом, привлечение международных ученых и преподавательского состава также считается важным для того, чтобы быть конкурентоспособными в области исследований. Регион Персидского залива не является исключением из-за привлекательности интернационализации.

Страны Персидского залива имеют много общего в том, что касается образовательной политики и демографии, но также имеют уникальные особенности в зависимости от каждой нации. Хотя существует идентифицируемая «идентичность халиджи» или идентичность стран Персидского залива, основанная на культурных, социальных, исторических и политических сходствах, необходимо признавать особые различия и сложности, зависящие от текущих геополитических обстоятельств [3]. Кроме того, студенты из стран Персидского залива — далеко не однородная группа. Скорее, многочисленные пересекающиеся факторы, такие как образование и семейное положение, социальный контекст, языковой репертуар и жизненные цели, также влияют на идентичность.

Павленко и Блэкледж утверждают, что различные аспекты идентичности становятся более заметными в зависимости от моделей взаимодействия [4]. Из-за многообразия социальных идентичностей контексту-

альные ограничения, как правило, превалируют над другими аспектами репертуара идентичности аналогично принятию ролей или «масок» в зависимости от обстоятельств [5]. Постструктурные подходы к идентичности также обращают внимание на власть, свободу действий и идеологии в понимании социальной динамики и самоощущения [6]. Здесь теория позиционирования [7] является полезным инструментом для изучения социолингвистических идентичностей в контексте английского как языка преподавания. Позиция индивида может варьироваться в зависимости от его представления о себе (рефлексивное позиционирование) и от того, как на него смотрят другие (интерактивное позиционирование). Часто рефлексивное и интерактивное позиционирование могут конфликтовать, что приводит к согласованному построению идентичности. Например, языковая идентичность учащихся может позиционироваться по-разному в контексте английского как языка преподавания, где английский язык высоко ценится, в отличие от арабоязычных семей, что приводит к различной степени принадлежности или отчуждения и различному уровню самооценки в зависимости от уровня владения, уверенности и степени воспринимаемого владения языками.

Текущее и гибридное являются еще одним важным компонентом конструирования идентичности, обычно встречающимся в мультикультурных и многоязычных контекстах, таких как Персидский залив. Здесь барьеры или разделения между языками и лингвистической идентичностью стираются, и транслингвальная идентичность становится заметной.

Однако недавно прозвучали призывы к необходимости изучения последствий использования английского как языка преподавания для социолингвистической идентичности и инклюзии. Таким образом, хотя использование английского языка в качестве основного языка преподавания имеет свои преимущества, оно также вызывает обсуждения о сохранении родных языков и культурных особенностей, а также о доступности образования для всех слоев населения

Список литературы

1. Macaro E. English medium instruction. Oxford University Press. 2018.

2. Doiz A., Lassagabaster D., Sierra J. M. English-medium instruction at universities. *Multilingual Matters*. 2013.
3. Allam N., Karolak M. Gulf cooperation council culture and identities in the new millennium. Palgrave Macmillan. 2020.
4. Pavlenko A., Blackledge A. Negotiation of identities in multilingual contexts. *Multilingual Matters*. 2004.
5. Edwards J. *Language and identity*. Cambridge University Press. 2009.
6. Kayi-Aydar H., Green-Eneix C. Shared identities through translanguaging practices in the multilingual mariachi classroom // *TESOL Journal*, 2019. 10 (4), 1–17.
7. Davies B., Harré R. Positioning: The discursive production of selves. // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1990, 20 (1), 43–63.

УДК 81'42

Семантико-концептуальное картирование англоязычного популярно-юридического дискурса (на материале аутентичного онлайн-консалтингового портала hg.org)

Горохова Анна Михайловна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры Английской филологии
Нижегородского государственного лингвистического университета
имени Н. А. Добролюбова*

Багиров Алексей

*магистрант Нижегородского государственного лингвистического университета
имени Н. А. Добролюбова*

***Аннотация:** Настоящая статья приводит частный образец семантико-концептуальной категоризации и ассоциативной фрагментации понятийных формаций, образующих поле англоязычного популярно-юридического дискурса портала hg.org. Приводятся алгоритмы сегментации фактического материала по 7 базовым секторам. Приводятся иллюстративные примеры с аналитикой. Делаются некоторые обобщения.*

ния, касающиеся отличительных черт популярно-юридического дискурса в контуре Интернет-коммуникаций. Представляются дальнейшие перспективы исследования.

Abstract: *This article provides a private sample of semantic and conceptual categorization and associative fragmentation of conceptual formations forming the field of English-language popular legal discourse of the hg.org portal. Algorithms for segmentation of factual material into 7 basic sectors are given. Illustrative examples with analytics are provided. Some generalizations concerning the distinctive features of popular legal discourse in the contour of Internet communications are made. Further prospects for the study are presented.*

Ключевые слова: *дискурсология, популярно-юридический дискурс, семантико-концептуальное картирование, медиакоммуникации.*

Keywords: *discourse analysis, popular-legal discourse, semantic-conceptual mapping, media communication.*

Повсеместная цифровизация актуальных коммуникационных моделей и процессы динамичной информатизации социума способствуют развитию новых механизмов межличностного взаимодействия, форм и методов реализации привычных, классических дискурсивных практик. Не является исключением и регламентирующее и синхронизирующее профессиональные и бытовые коммуникации правовое поле, относящееся к обобщающей понятийной матрице юридического дискурса.

Выступая фундаментальной категорией современной дискурсологии, *дискурс* как комплексный, в известной степени амбивалентный феномен подлежит изучению с позиций коммуникативной, социально-прагматической, структурно-семантической и структурно-стилистической проекций с дифференциацией формального, функционального и ситуативного подтипов [2].

Вслед за В. И. Карасиком дискурс в настоящем исследовании понимается как «неотъемлемая часть культурного взаимодействия, которая отражает в тексте существующие взгляды, подразумевает общение людей, которые по своим убеждениям, профессиональной принадлежности входят в ту или иную социальную группу. Это общение происходит в конкретных обстоятельствах и учитывает их...» [3].

Юридический дискурс как частная научная категория изучается в социолингвистическом, прагмалингвистическом, когнитивном, лингво-

культурологическом, лингвосомиотическом, лексико-семантическом, психолингвистическом, функционально-лингвистическом, дискурсана-литическом, юрислингвистическом ключах. Он определяется как внеязыковая реальность, позиционируемая в виде правовой сферы деятельности, подразумевающая различные правовые блоки, где право понимается с позиций перечня актуальных для конкретного лингвосоциального пространства регламентаций в тех или иных ситуациях контекстуально обусловленного общения [5].

Популярно-юридический дискурс — феномен, обладающий гибридным — по отношению к юридическому дискурсу — характером и являющий собой синтез собственно юридической, научной и терминологичной парадигмы и популярной, упрощенной, разъяснительной формулы презентации, доступной широкому кругу неподготовленных реципиентов правового поля. Данный аспект делает такой вид дискурса легко тиражируемым и мультиплицируемым [4].

Популярно-юридическому дискурсу свойственны некоторые специфические маркеры, к которым следует отнести сопряженность с особым каналом коммуникации (главным образом, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», а также тематические телевизионные программы и печатные издания консультационного толка); пулом симплифицированных языковых единиц; особым функциональным полем, которое предполагает расшифровку, описание, пояснение тех или иных явлений / ситуаций; особым кругом коммуникантов, среди которых обязательно присутствует профессиональный юрист, дающий консультацию, и целевая аудитория, нуждающаяся в разрешении того или иного юридического вопроса; наличием, как правило, латентной маркетинговой стратегии (популяризацией юридического лица (компании) или конкретного консультирующего юриста) [1].

Путем интеграции инструментария ментального картирования [6], который предполагает создание древовидных семантико-ассоциативных карт, демонстрирующих внутреннюю организацию того или иного конструкта, и интерпретативного анализа эмпирической базы исследования, полученной методом сплошной выборки с аутентичного Интернет-портала hg.org, была структурирована первичная семантико-концептуальная

экосистема англоязычного популярно-юридического дискурса, насчитывающая 18 понятийно-ассоциативных кластеров: Bankruptcy (банкротство), Business Law (бизнес-право), Car Accident (автомобильные аварии), Criminal Defense (уголовная защита), Employment (трудоустройство), Estate Planning (планирование сделок с недвижимостью), Family Law (семейное право), Government (государственное право), Health Care & Social (здравоохранение и социальная защита), Immigration (иммиграция), Industry (промышленное право), Intellectual Property (интеллектуальная собственность), International Law (интернациональное право), Litigation (судебные разбирательства), Medical Malpractice (медицинская халатность), Personal Injury (личный вред), Real Estate (недвижимость), Tax (налогообложение).

- Приведенные тематические блоки далее подлежали процедуре ассоциативного картирования и укрупнения в целях сокращения и интеграции первоначально выявленного, в достаточной степени, обширного перечня. Итогом внедрения вышеназванного механизма послужило выделение 7 глобальных семантико-концептуальных полей, которые ассоциативно вбирают в себя все остальные понятийные кластеры:
- семантико-концептуальное поле «Финансовая стабильность»;
- семантико-концептуальное поле «Профессионально-социальная стратификация»;
- семантико-концептуальное поле «Семья и персональное пространство»;
- семантико-концептуальное поле «Здоровье и благополучие»;
- семантико-концептуальное поле «Космополитизм»;
- семантико-концептуальное поле «Законность / Законопослушность»;
- семантико-концептуальное поле «Образованность / интеллект».

Рассмотрим каждый из семантико-концептуальных секторов более подробно.

Семантико-концептуальное поле «Финансовая стабильность» связано, главным образом, с благосостоянием и стабильностью в материальном плане и интегрирует смежные ассоциативные кольца первого уровня: «Bankruptcy», «Tax». Ассоциативные кольца второго уровня представлены такими конструктами, как «Debt Relief» (списание долгов), «Debtor&Creditor» (отношения между должником и кредитором), «Foreclosure» (лишение прав выкупа), «Corporate taxation» (корпоративное налогообложение).

Оригинальный иллюстративный фрагмент	Перевод оригинального иллюстративного фрагмента
<p>How Can I Get a Judgment Released?</p> <p>A Satisfaction of Judgment (also known as a Release and Satisfaction) is a legal document that shows that the plaintiff has been paid all that he or she is owed, based upon the original judgment against the defendant. This legal document is important because it is not revocable; once it is signed and filed with the court, it cannot be changed. Judgment debtors are usually in a hurry to get this type of release so that the civil action stops adversely affecting their credit...</p>	<p>Как я могу добиться отмены приговора?</p> <p>Удовлетворение судебного решения (также известное как «Освобождение и Сатисфакция») — это юридический документ, подтверждающий, что истцу была выплачена вся причитающаяся ему сумма на основании первоначального решения, вынесенного в отношении ответчика. Этот юридический документ важен, поскольку он не подлежит отмене; после того, как он подписан и подан в суд, он не может быть изменен. Должники по судебным решениям обычно спешат получить освобождение от ответственности такого типа, чтобы гражданский иск перестал отрицательно влиять на их кредитоспособность...</p>
<p>Режим доступа к полнотекстовой версии статьи: https://www.hg.org/legal-articles/how-can-i-get-a-judgment-released-36720.</p>	

Примечательной позицией при обзоре приведенной статьи служит нацеленность на читателя и обращенность к нему (персонализация), достигаемая посредством употребления личного местоимения «I» и уточняющего специального вопроса в заголовке, который определяет специфику рассматриваемого вопроса. Далее по тексту дается краткий аннотационный параграф, погружающий реципиента в механику процесса и почему он является важным и требует внимания.

Семантико-концептуальное поле «Профессионально-социальная стратификация» демонстрирует распространение правового поля на различные слои профессионального и непрофессионального ландшафта социума и представлен ассоциативными кольцами первого порядка, включающими такие феномены, как «Employment», «Business law», «Government», «Industry». Ассоциативные кольца второго порядка сводятся к подкатегориям «Discrimination», «Sexual Harrassment», «Whistleblower», «Workers Compensation», «Wrongful Termination» (в секторе «Employment»), «Banking & Finance», «Business Formation», «Commercial Law», «Consumer

Law», «Contracts», «Corporate Law», «Insurance», «Mergers & Acquisitions» (в секторе «Business law»), «Administrative Law», «Federal Law» (в секторе «Government»), «Admiralty & Maritime», «Aviation Law», «Science & Technology» (в секторе «Industry»).

Ключевой особенностью лексики является её простота. Так, в нижеприведенном фрагменте при описании базовых отличий между дистрибьюторами и агентами используются элементарные лексические и синтаксические конструкции: Distributors buy your goods; Agents don't. Доступность данного предложения достигается путем включения настоящего простого времени и выводом из его поля распространенных элементов. Читатель видит только основные смыслы. Пояснение пяти дифференциальные черт приводится под каждой из них в более развернутом виде. Однако специфика популярно-юридического текста сводится, в первую очередь, к тому, чтобы при первом взгляде на статью реципиент мог без значительных временных и когнитивных вложений выработать для себя то или иное решение, именно поэтому структурная легкость и прозрачность служат магистральными составляющими таких текстов.

Оригинальный иллюстративный фрагмент	Перевод оригинального иллюстративного фрагмента
<p>5 Key Differences Between Distributors and Agents</p> <p>Some people use distributors, others use agents. Both strategies have pros and cons; you must decide which is best for you.</p> <p>...</p> <p>1. Distributors buy your goods; Agents don't.</p> <p>...</p> <p>2. Agents represent you. Distributors don't.</p> <p>...</p> <p>3. Agent's mistakes are your mistakes. Distributor's mistakes are not...</p>	<p>5 ключевых различий между дистрибьюторами и агентами</p> <p>Некоторые люди используют дистрибьюторов, другие используют агентов. Обе стратегии имеют плюсы и минусы; Вы должны решить, что лучше для Вас.</p> <p>...</p> <p>1. Дистрибьюторы покупают ваш товар; Агенты — нет.</p> <p>...</p> <p>2. Агенты представляют вас. Дистрибьюторы этого не делают.</p> <p>...</p> <p>3. Ошибки агента — ваши ошибки. Ошибок дистрибьютора нет...</p>
<p>Режим доступа к полнотекстовой версии статьи: https://www.hg.org/legal-articles/5-key-differences-between-distributors-and-agents-65242</p>	

Семантико-концептуальное поле «Семья и персональное пространство» выступает одним из наиболее распространенных, с точки зрения внутреннего ассоциативного ветвления. Концептуальные форманты первого уровня включают следующие конструкты: «Family law», «Real estate», «Estate planning». Ассоциативные кольца второго порядка интегрируют смежные с первичным сектором подконцепты, среди которых «Child Custody & Visitation», «Child Support», «Divorce», «Construction Law», «Landlord & Tenant Law», «Property Law», «Will & Probate». Конструкт отличается достаточно высокой степенью понятийно-ассоциативной вариативности, что свидетельствует о его значимости и многоплановости восприятия в контуре англоязычного популярно-юридического дискурса.

Рассмотрим отдельные иллюстративные образцы и специфику их изложения.

Оригинальный иллюстративный фрагмент	Перевод оригинального иллюстративного фрагмента
<p>Moving Out of The Marital Home — Do I Lose My Rights to It?</p> <p>When one spouse wants to move out of the marital home, it may require the agreement of the remaining spouse to avoid a possible claim of abandonment. Open communication between both spouses and advice from a legal professional is key. The spouse who moves out may still have a right to the marital home during a divorce or separation...</p>	<p>Выезд из семейного дома — теряю ли я свои права на него?</p> <p>Когда один из супругов хочет выехать из семейного дома, может потребоваться согласие оставшегося супруга, чтобы избежать возможного заявления об отказе от брака. Ключевое значение имеют открытое общение между обоими супругами и советы юриста. Супруг, который выезжает, может по-прежнему иметь право на семейный дом во время развода или раздельного проживания...</p>
<p>Режим доступа к полнотекстовой версии статьи: https://www.hg.org/legal-articles/moving-out-of-the-marital-home-do-i-lose-my-rights-to-it-51782</p>	

В приведенном примере на передний план вновь выходит персонализация и синхронизация информации с реципиентом через использование личных и притяжательных местоимений (I, my). Важным аспектом данного образца выступает также латентная маркетинговая стратегия, указывающая на приоритет обращения к профессиональному юристу для

разрешения пограничных ситуаций (*advice from a legal professional is key*). Кроме того, интерес представляет стратегия скрытой неуверенности, передаваемая через модальные конструкции (*may require, may still have a right*) и прилагательные с лексическим значением неопределенности и неоднозначности (*possible*). Данный факт, с одной стороны, позволяет коллективу авторов, представляющих портал, отвести от себя ответственность за принятие реципиентом некорректных решений, так как информация изначально подавалась как возможная и не единственно верная; с другой стороны, указанная стратегия повторно подчеркивает роль профессионального юридического совета для грамотного и положительного исхода проблемы.

Семантико-концептуальное поле «Здоровье и благополучие» образовано первичным кольцом концептуальных формантов, среди которых «Health care & Social», «Medical malpractice», «Car accident», «Personal injury». Вторичное кольцо ассоциаций образовано элементами более частного понятийного порядка: «Social Security Disability», «Nursing Home Abuse», «Bus Accidents», «Motorcycle Accident», «Truck Accident», «Accident», «Asbestos Mesothelioma», «Bicycle Accident», «Defamation, Libel & Slander», «Pedestrian Accident», «Premises Liability», «Product Liability», «Slip & Fall», «Workplace Injuries», «Wrongful Death». Важно отметить, что тематический сектор «Personal injury» характеризуется максимальной степенью ассоциативной вариативности, что говорит о его существенной позиции в англоязычном правовом поле и превосходстве личного (персонального) благополучия над иными аспектами социально релевантной юрисдикции.

Семантико-концептуальное поле «Космополитизм» интегрирует ассоциативные кольца первого порядка, включающие позиции «International Law» и «Immigration» с последующим вторичным подразделением на лишь один тематический кластер: «International Arbitration». Факт отсутствия разветвленной системы внутреннего ассоциативного ветвления конструкта может свидетельствовать о его второстепенной значимости в рамках экосистемы англоязычного популярно-юридического дискурса и акцентуации лишь основных практик, связанных с ним и действующих в текущем правовом поле.

Семантико-концептуальное поле «Законность / Законопослушность» представлено базовыми ассоциативными линиями (ассоциативными

кольцами первого порядка) в концептах «Litigation» и «Criminal Defense». В качестве ассоциативных конструктов второго уровня представлены «Arbitration», «Business Litigation», «Civil Litigation», «Commercial Litigation», «Corporate Litigation», «Mediation», «Domestic Violence», «Drug Crime», «DUI & DWI», «Expungement», «Juvenile Crime», «Murder», «Sex Crimes», «Traffic Ticket», «White Collar Crime».

Именно данное семантическое поле предстает наиболее широким и многогранным, с точки зрения понятийно-ассоциативного наполнения и внутрисистемного ветвления, что говорит о его центростремительной (ядерной) роли в составе ментальной карты популярно-юридического дискурса в анализируемом эмпирическом срезе.

Заключительное семантико-концептуальное поле «Образованность / интеллект» относится к сфере когнитивной деятельности индивида и закреплении прав и свобод личности в данном секторе. Первичное кольцо ассоциаций образовано одним вектором: «Intellectual property». Ассоциативные кольца второго уровня сводятся к таким смежным концептам, как «Copyright», «Patent», «Trademark». Степень ветвления, таким образом, средняя.

Все указанные семантико-ассоциативные поля имеют ряд сходных черт и отличаются краткостью и четкой маршрутизацией повествования, упрощенным лексическим и синтаксическим наполнением, персонализацией материалов (в частности, регулярной апелляцией к личным и притяжательным местоимениям) и сопряженной с ней ориентацией на индивида, интеграцией маркетинговых (рекламных) механизмов скрытого или открытого плана.

Интерес представляет степень внутреннего ветвления ментальных карт каждого семантико-концептуального поля: наибольшую степень внутриассоциативной вариативности демонстрируют семантико-концептуальные поля «Семья и персональное пространство», «Здоровье и благополучие», «Законопослушность», что может быть объяснено тем, что они являются гарантами комфорта и благополучия личности. Это может означать, что они несут ядерный потенциал для лингвосоциума, продуцирующего дискурс. С другой стороны, семантико-концептуальные поля «Космополитизм», «Образованность / интеллект» наименее разноуровневые,

что говорит, скорее, не столько об их не востребованности среди носителей искомого лингвокода, сколько о более конкретном и обтекаемом понятийном контуре и, в некотором роде, периферийном значении по отношению к ассоциативному ядру.

Перспективным представляется дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ образцов англоязычного популярно-юридического дискурса, представленных на других аутентичных ресурсах для установления связи с выявленными аналогиями или, напротив, поиска отличий. Расширение эмпирического компонента позволит представить более конкретные и релевантные данные. Кроме того, актуальным может быть исследование соответствующих ментальных карт сегментов популярно-юридического дискурса в аспекте отдельного лингвосоциума в их взаимосвязи с конструктами национальной идентичности.

Список литературы

1. Аверин А. С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Аверин — Воронеж, 2021.— 780 с.
2. Аверин А. С. Терминологический аспект исследований англоязычных популярно-юридических текстов // Язык, коммуникация и социальная среда. 2019. № 17. С. 9–24.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002.
4. Косоногова, О.В. (2015). Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры. Историческая и социально-образовательная мысль, 1. — С. 61–68.
5. Хомутова Т.Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16, No 3. С. 44–53.
6. Buzan T., Griffiths C., Harrison J. Modern Mind Mapping for Smarter Thinking. — Proactive Press. 2012.— 181 p.

УДК 81'42

К вопросу о дифференциальных лингвоконцептуальных маркерах англоязычного популярно-юридического дискурса

Горохова Анна Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры Английской филологии
Нижегородского государственного лингвистического университета
имени Н. А. Добролюбова

Багиров Алексей

магистрант Нижегородского государственного лингвистического университета
имени Н. А. Добролюбова

***Аннотация:** Настоящая статья направлена на типизацию ключевых дифференциальных элементов, маркирующих англоязычный популярно-юридический дискурс в аспекте его функционирования на аутентичных порталах в сети «Интернет». На конкретных текстовых сегментах обсуждается их роль в обеспечении эффективных предметных коммуникаций. Делаются некоторые обобщения в отношении вербальных и невербальных аспектов воздействия на реципиента.*

***Abstract:** The present article is aimed at typifying the key differential elements marking the English-language popular legal discourse in the aspect of its functioning on authentic portals on the Internet. Their role in ensuring effective substantive communications is discussed on specific text segments. Some generalizations are made with regard to verbal and non-verbal aspects of the impact on the recipient.*

***Ключевые слова:** дискурсология, популярно-юридический дискурс, лингвоконцептуальное маркирование, медиакоммуникации.*

***Keywords:** discourse analysis, popular-legal discourse, linguistic-conceptual marking, media communication.*

Эпоха глобальной цифровизации социальных коммуникаций и трансформации привычных моделей межличностного ситуативного взаимодействия диктует обращение к механизмам трансляции информации и этноспецифических кодов в контексте вариативных дискурсивных практик, одной из которых выступает правовое поле, обеспечивающее регламента-

цию и кристаллизацию общественно значимых процессов, достижение их справедливого течения и грамотно выстроенных отношений между акторами тех или иных ситуаций. Правовое общение отличается специфическим языковым выражением, которому присущи отдельные лексические, стилистические, синтаксические, морфологические и иные маркеры в контексте определенной лингвокультурной традиции.

Англоязычный юридический дискурс выступает квинтэссенцией разнообразных сфер правовых взаимодействий и языковых практик в англоговорящем социуме-продуcente. Он транслирует иерархию общественных коммуникаций, находящих выражение в уровневых нормативно-правовых актах. Особый социальный и культурный статус юридического дискурса декларируется его ориентацией на все социальные страты, востребованностью и воспроизводимостью, а потому данный тип дискурса, как и его отдельные форманты, требует многоступенчатого изучения с опорой на современную методологию.

Популярно-юридический дискурс как частная исследовательская категория и тип кодирования узкоспециальных данных начал становиться фокусом научного интереса и лингвистического описания с 2010 года. Объективация популярно-юридического дискурса как ответвления от собственно юридического дискурса обусловлена повышением цифровой грамотности населения и переходом консультационных услуг в режим «онлайн» и в целом в сектор медиакommunikаций для достижения наибольшей степени охвата целевой аудитории и тиражирования лучших практик в названном тематическом сегменте.

Путем консолидации существующих в современной науке взглядов на интерпретации феномена «дискурс» [9], [1], [2], [15], [18] представляется возможным заключить, что он являет собой важнейшую, неотъемлемую константу процесса межличностной коммуникации, им определяется «языковое существование» людей, по Б. М. Гаспарову, где всякий раз говорящий приобретает новый опыт, включается в конкретное стечение обстоятельств общения, подвергается воздействию с их стороны, но и сам воздействует на данные обстоятельства, модифицируя или принимая и создавая их [3]. Ю. С. Степанов вкладывает в дискурс концепт социальной данности, языка в языке, особого мира, где язык становится домом бытия [16].

Важнейшим аспектом функционирования дискурса выступает его тематика. Она выбирается, как правило, на основе двух параметров: учет коммуникативного или социокультурного фона его развития; увлеченность темой или аудиторией, к которой апеллирует говорящий в ходе продуцирования дискурса.

Аналогичная тенденция относится и к дифференциации типов дискурса, аспектов его официальности или неофициальности, которые находятся в непосредственной зависимости от компонентов речевого общения: фрейм и сценарий коммуникации, социальные роли участников общения, виды и сферы коммуникации, характер отношений между коммуникантами [10, с. 150].

Суммируя представления о дискурсе в междисциплинарной парадигме, следует констатировать, что наиболее точным и всеобъемлющим определением служит предложенное В. И. Карасиком: «Дискурс есть неотъемлемая часть культурного взаимодействия, которая отражает в тексте существующие взгляды, подразумевает общение людей, которые по своим убеждениям, ... профессиональной принадлежности входят в ту или иную социальную группу. Это общение происходит в конкретных обстоятельствах и учитывает их...» [7].

Общее в действующих дефинициях дискурса позволяет выделить круг его смежных типовых и функциональных особенностей: обязательное наличие акторов общения, которые наделяются потенциалом к формированию и восприятию дискурса, обладают конкретными характеристиками и включенностью/невключенностью в анализируемое тематическое поле, процессуальность (когнитивно-продуцирующая стадия, собственно ситуация коммуникации и её результат), обусловленность социальным контекстом, с одной стороны, и влияние на него, с другой.

Современные лингвистические исследования все чаще апеллируют к понятиям «популяризированных дискурсов» [6], [19], их спецификаций, функционального потенциала и дифференциальных черт.

Популярно-юридический дискурс относится к концептуальному полю юридического дискурса [8: 66]. Данный подвид дискурса выступает, своего рода, *гибридным формантом юридического дискурса*, который переходит в сферу широкого доступа в информационно-телекоммуникационной

сети «Интернет», массмедийных или печатных источниках в целях популяризации посылов и ключевых постулатов, вырабатываемых «институтом» (собственно юридическим дискурсом). Это позволяет обеспечить массовое тиражирование информации в соответствующем тематическом поле.

С другой стороны, популярно-юридический дискурс может представлять ответвлением от дискурса *научно-популярного* в аспекте юридической науки и её «популярного», общественно доступного прочтения.

И в том, и в другом случаях, однако, популярно-юридический дискурс служит обеспечению всеобъемлющего доступа широких целевых групп к полезной информации в упрощенной, понятной, легко воспринимаемой и транслируемой форме: «Популярно-юридический дискурс направлен на разъяснение и популяризацию правовых понятий, а не на их собственную интерпретацию и наполнение дополнительными смыслами» [14, с. 5].

Анализ цикла исследований популярно-юридического дискурса [1], [4], [5], [11], [12], [13], [17] дает основания определить ряд типизирующих лингвоконцептуальных маркеров, которые выделяют рассматриваемый феномен на фоне смежных дискурсивных формаций:

1. *Специфический канал коммуникации*, который сводится преимущественно к средствам массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как одним из наиболее популярных площадок мультипликации знаний о разнообразных процессах в правовом поле. Основной текущего исследования служат образцы, размещенные на специализированном онлайн-портале www.hg.org, систематизирующем и ранжирующем доступную юридическую практику по блокам, демонстрирующим наибольшую статистику обращений, с возможностью направления поисковых запросов по ключевым словам. Ресурс www.hg.org являет собой одну из наиболее масштабных и последовательных специализированных правовых баз, функционирующую с 1995 года и консолидирующую более 1000 полезных статей по блокам, что дает возможность анализа текстовых формаций как в диахронической, так и в синхронической проекции, так как все они датированы, ранжированы и подкреплены авторской анкетой.

2. Симплификация языковых единиц в целях достижения общедоступности и прозрачности повествования. Синергия профессионального юридического терминопарата и упрощенной, бытовой лексики, исполь-

зубой для детализации и более понятного представления конкретных ситуаций правового общения. В текстах, относящихся к популярно-юридическому дискурсу, прослеживается частотный отход от традиционной для профессионального юридического дискурса коммуникативной парадигмы позиционирования конкретных понятий через классический терминологический аппарат с применением соответствующего лексического и синтаксического инструментария. Используются системное перефразирование, пошаговая декомпозиция концептов, их расшифровка в простой, подчас — элементарной форме.

Рассмотрим иллюстративный пример, взятый из базы популярно-юридических текстов источника www.hg.org в разделе “Car Accident” “Bus Accident”:

“Consequences of Distracted Driving in Oklahoma

Distracted driving encompasses activities distracting the driver, such as using a smartphone, eating, talking to passengers, or adjusting the entertainment system or navigation. It’s a significant concern in Oklahoma, increasing the risk of vehicle crashes and road injuries. Despite common misconceptions, distracted driving isn’t limited to just texting. It includes many activities that could distract a driver from the road. Recent statistics highlight the growing problem of distracted driving in causing accidents. Understanding the various forms of distracted driving can help recognize the risks and consequences of this behavior. Awareness is a key step in reducing the incidence of distracted driving-related accidents on Oklahoma roads...” (Режим доступа к полнотекстовой версии статьи: <https://www.hg.org/legal-articles/consequences-of-distracted-driving-in-oklahoma-65866>)

Вышеприведенный аутентичный фрагмент текста демонстрирует четкость и прозрачность смыслов и структуры изложения, начиная с самого заголовка статьи и краткой аннотации к ней. В данном блоке содержатся доступные юридически неподкованному обывателю понятия, связанные с невнимательностью и расфокусировкой в процессе езды и их последствиями в конкретных территориальных границах. Заголовком предопределена целевая аудитория сообщения, сфера его предположительного распространения.

Нижеследующие характеристики изучаемого вопроса помогают аудитории разобраться с дальнейшим материалом, приводимым в повествовании

и принять для себя решение о его чтении или пропуске и переходе к другим статьям. Факторами мотивации к изучению текста выступают перечисляемые в аннотации осязаемые «проблемные» поля, связанные с вопросом чрезвычайных происшествий на дорогах, вызванных невнимательностью водителей: дается расшифровка термина «отвлеченность» и что под ней подразумевается с приведением конкретных и простых действий, которые совершаются в ежедневном режиме всеми читателями (*Using a smartphone, eating, talking to passengers, or adjusting the entertainment system or navigation*), что позволяет оценить степень их распространенности; приводится информация об ошибочности суждений большинства людей, которые сводят расфокусировку на дороге исключительно к использованию гаджетов и написанию текстовых сообщений (*Despite common misconceptions, distracted driving isn't limited to just texting. It includes many activities that could distract a driver from the road*); объективируется актуальность предпринимаемого анализа, которую автор связывает с необходимостью понимания и купирования различных форм «отвлеченности» (структурирование информации и её грамотная ступенчатая сегментация) (*Understanding the various forms of distracted driving can help recognize the risks and consequences of this behavior*); обозначается полезный характер публикации, который позволит в результате добиться — путем включения общественного распознавания — снижения количества несчастных случаев на дороге (*Awareness is a key step in reducing the incidence of distracted driving-related accidents on Oklahoma roads*).

Формат изложения отличается простотой и направленностью на реципиента, что позволяет незамедлительно устранить барьер между автором и читателем, а также смешением стилей коммуникации.

3. *Разъяснительный характер и связанные с ним особые установки целеполагания популярно-юридического дискурса* [6, с. 42] как элемента способствования по итогам доступа к подобным текстам к разрешению спорных / конфликтных / сложных ситуаций.

Так, немалый процент текстов, представленных на платформе, уже на этапе заголовка приводит злободневный вопрос, беспокоящий многих людей и обращающий на себя внимание, после чего предлагаются конкретные алгоритмы действий, рекомендованные профессиональными юрисконсультантами.

Проанализируем еще один иллюстративный пример, взятый с сайта www.hg.org в аналогичной рубрике:

“Can I Sue an Uber Driver After an Accident?”

Uber has revolutionized the way passengers get around, whether it's getting to and from the airport, going out for a few drinks with friends, or traveling around the city for business. Although the vast majority of Uber rides are completed safely, accidents can happen, and passengers may suffer injuries as a result. In the event of an accident involving an Uber driver, passengers may be wondering if they have the right to sue the driver for damages. The answer is — it depends...” (Режим доступа к полнотекстовой версии статьи: <https://www.hg.org/legal-articles/can-i-sue-an-uber-driver-after-an-accident-64407>).

Представленная выдержка апеллирует, на основании заголовка, к частотной проблеме инцидентов на дороге с участием водителей такси и обрисовывает алгоритм действий пассажира в соответствующем случае. Аннотация раскрывает суть ситуации и позиционирует главный вопрос о возможности подачи в суд на недобросовестного водителя такси, совершившего ДТП. Далее по тексту предлагаются несколько тематических подразделов, которые детализируют решаемую проблему. В частности, подраздел “Suing an Uber Driver” предлагает читателю конкретные позиции и основания, в соответствии с которыми может быть подано заявление для старта судебного разбирательства:

“Suing an Uber Driver

If an Uber rider is injured as a passenger in an accident and believes the driver was at fault, they may have grounds to sue the driver for damages. In order to sue the Uber driver, the rider will need to prove that the driver was negligent and that their negligence caused the injuries...

In addition to proving negligence, the rider will also need to demonstrate that they suffered damages as a result of the accident. Injuries from a vehicle accident will incur medical expenses such as emergency room visits, follow-up doctor's appointments, physical therapy, and assistive devices...

If you were injured as a passenger in an Uber accident, you may have the right to sue the driver for damages. It is important to understand the driver's insurance coverage and how it may apply to your case...” (Режим доступа к полнотекстовой

версии статьи: <https://www.hg.org/legal-articles/can-i-sue-an-uber-driver-after-an-accident-64407>).

Примечательно, что текст, помимо отсылок к конкретным ситуациям, позволяющим обратиться в суд (*If an Uber rider is injured as a passenger in an accident and believes the driver was at fault, they may have grounds to sue the driver for damages...*), кристаллизует их и дает разъяснения относительно каждого пункта (*In order to sue the Uber driver, the rider will need to prove that the driver was negligent and that their negligence caused the injuries*). Например, что следует сделать, для того чтобы обосновать, что водитель вел себя пренебрежительно, что привело к аварии, или что пассажир получил травмы именно как следствие аварии, а не при иных обстоятельствах (*In addition to proving negligence, the rider will also need to demonstrate that they suffered damages as a result of the accident*). Раскрываются далее шаги, каким образом в медицинском контексте обосновывается причинение вреда здоровью пассажира (*Injuries from a vehicle accident will incur medical expenses such as emergency room visits, follow-up doctor's appointments, physical therapy, and assistive devices*).

Таким образом, вышеприведенный пример служит краткой пошаговой инструкцией к действию в рассматриваемой правовой ситуации.

4. *Особый круг коммуникантов*: обязательное присутствие профессионального юриста (произдента информационных сообщений) и *аудитории реципиентов*, которые не обладают, как правило, профессиональными знаниями в сфере юриспруденции и обращаются к образцам популярно-юридического дискурса, размещенным в письменных (печатных) источниках или на соответствующих порталах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в целях получения требуемых сведений по тому или иному вопросу, связанному с правовым полем.

5. Латентный (скрытый; реже — явный) маркетинговый компонент как возможность повысить степень узнаваемости профессионального юриста-произдента дискурсивных практик в рамках целевой аудитории. Портал www.hg.org, который выступает в данной работе источником фактического материала, приводит к каждой статье, сегментированной по тематическим разделам, информационную сводку о профессиональном юристе-авторе текста с фотографией, что позволяет читателю обратиться к досье, изучить его и при необходимости перейти к персональной консультации.

Структура портала также позиционирует баннеры, стимулирующие к обратной связи и выходу на консультативные практики с юристами-авторами материалов. Это подчеркивается интеграцией элементов-«стимулов», которые обращают на себя внимание читателя, так как отличаются контрастными цветообозначениями по отношению к достаточной нейтральной общей цветовой схеме портала, а также содержат активные ссылки, переход по которым предлагает контактную информацию для дальнейшего использования в конкретных личных целях.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что представленные инструменты взаимодействия с целевой аудиторией свидетельствуют о сформировавшемся и продолжающем формироваться в последние годы рынке цифровых популярно-юридических услуг консультативного плана, которые позволяют прийти к решению спорных ситуаций до вступления в нормативно закреплённые отношения с юристом, изучить вопрос в популярном ключе.

Общей характеристикой всех популярно-юридических текстов, помимо их лексической, стилистической, синтаксической простоты, служит общая краткость и представление информации строго по делу, без излишней вербальной разветвленности. Данная характеристика выступает одной из ключевых отличительных черт рассматриваемого портала и позволяет в оперативном режиме отыскать и проинтерпретировать интересующие читателя материалы. Кроме этого, следует говорить о доступной форме систематизации материалов и маршрутизации по portalу, что существенно упрощает процедуру поиска и выявления необходимых данных. Аналогичных моделей придерживаются и другие источники популярно-юридических статей в сети «Интернет».

Список литературы

1. Аверин А. С. Англоязычный популярно-юридический дискурс: жанровые, семантические и прагматические особенности: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Аверин — Воронеж, 2021. — 780 с.
2. Аверин А. С. Терминологический аспект исследований англоязычных популярно-юридических текстов // Язык, коммуникация и социальная среда. 2019. № 17. С. 9–24.

3. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М.: Новое лит. обозрение, 1996.
4. Глищенко А. С. Стилистические особенности популярных текстов о семейном праве США // Язык, коммуникация и социальная среда. 2018. № 16. С. 248–256.
5. Глушко М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. — М.: Высшая школа, 1974. — 252 с.
6. Егорова Л. А. К вопросу об определении понятия научно-популярный дискурс / Л. А. Егорова // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2009. — № 1. — С. 42–46.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002.
8. Косоногова, О.В. (2015). Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры. Историческая и социально-образовательная мысль, 1. — С. 61–68.
9. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект / Дж. Лакофф. М.: Прогресс, 1996. С. 143–182.
10. Лукьянова С. В. К вопросу о типологии дискурса / С. В. Лукьянова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2016 — № 3. — С. 150–154.
11. Лутцева М. В. Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2007. — № 2. — Ч. 1. — С. 110–113.
12. Медведев Д. С., Щитова О. Г. Межстилевой характер научно-популярного юридического интернетдискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (199). С. 70–76.
13. Почтарь Е. И. Прагмастилистическая организация рекламы как дискурса убеждения: на материале американской печатной рекламы / Е. И. Почтарь: диссертация ... кандидата филологических наук: Москва, 2011. — 271 с.
14. Соловьева Ю. О. Популярно-юридический дискурс VS медийный юридический дискурс // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2022. Т. 19, № 1. С. 15–21.

15. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю. С. Степанова. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35–73.
16. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт русской культуры. Опыт исследований / Ю. С. Степанов. — М.: Шк. «Языки рус. культуры», 2001.
17. Туранин В. Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 1 (13). С. 103–109.
18. Храмова Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун — та, 2010.— 396 с.
19. Шутова О. А. Коммуникативно-прагматические особенности речевого жанра научно-популярного дискурса / О. А. Шутова // Коммуникативно-прагматические особенности речевого жанра научно-популярного дискурса // Междисциплинарный научно-практический форум учёных-филологов.— 2018. — С.— 42–44.

УДК 2

Перевод реалий в чинопоследовании Проскомидии Службеника Православной Церкви в Америке

Бакулин Иван Ильич

магистр теологии Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

Аннотация: В статье рассмотрены особенности перевода безэквивалентной богослужебной лексики Православной Церкви на английский язык на примере названий элементов облачения православного духовенства в двух вариантах перевода чина Проскомидии: перевода Изабель Флоренс Хэнгуд (Isabel Florence Hargood) 1906 г. и Службеника, используемого в современной практике Православной Церкви в Америке. Сравниваются разные варианты переводческих стратегий и объясняются пере-

водческие решения, принятые авторами указанных переводов, с точки зрения влияния на эти решения экстралингвистический факторов.

Abstract: *The article considers the peculiarities of translating the non-equivalent liturgical vocabulary of the Orthodox Church into English on the example of the names of the elements of the vestments of Orthodox clergy in two variants of translation of the Proskomidia rite: Isabel Florence Hapgood's translation of 1906 and the Service Book used in the modern practice of the Orthodox Church in America. Different translation strategies are compared and the translation decisions made by the authors of these translations are explained in terms of the influence of extralinguistic factors on these decisions.*

Ключевые слова: *лингвистика, специальный перевод на английский язык, перевод богослужения, православное богослужение на английском языке.*

Keywords: *linguistics, special translation into English, translation of divine services, Orthodox worship in English.*

Значительное количество специфических лексических единиц, обозначающих предметы и явления православного богослужения, в силу общехристианских истоков Православной и Западной христианских традиций можно рассматривать как христианские полионимы [1]: для таких лексических единиц греческого языка существуют готовые полные эквиваленты в том числе и на английском языке. Однако с учётом того, что на протяжении целого тысячелетия Православная Церковь в культурном отношении развивалась отдельно от Западного христианского мира, а в самом этом Западном мире произошла Реформация, давшая значительный импульс европейским языкам, в том числе и языку английскому, к освоению богослужебных реалий христианства, целый ряд лексических единиц, обозначающих предметы и явления православного богослужения не имели к концу XIX — началу XX века готовых полных эквивалентов в английском языке.

В этих условиях, очевидно, переводчик вынужден был прибегать к одной из следующих стратегий:

- использовать транслитерирование и\или транскрибирование.
- подобрать функциональный эквивалент
- прибегнуть к калькированию
- использовать описательный перевод.

Очевидно, что у каждого из перечисленных переводческих приемов есть свои плюсы и минусы.

Транслитерирование и транскрибирование позволяет тем, для кого английский язык и культура не являются родными, проще воспринимать богослужение на английском языке. Однако здесь переводчику приходится учитывать бэкграунд прихожан: для русскоязычных эмигрантов привычно богослужение на церковнославянском языке, однако исходным языком православного богослужения является греческий. С какого языка в этом случае транскрибировать? Церковнославянские эквиваленты греческих слов часто сами представляют собой результат транслитерирования или транскрибирования, но так происходит далеко не всегда. При этом следует учитывать, что транслитерирование и транскрибирование осложняет восприятия православного богослужения носителями английского языка.

Подбор функционального эквивалента в принципе возможен не всегда: все-таки Западная христианская традиция развивалась самостоятельно в течении очень долгого времени (в культурном отношении латинское христианство во многом стало отличаться от христианства Восточного за долго до формального разделения в XI веке). С учётом этого факта переводчику часто приходится размышлять о том, насколько полно предлагаемый им функциональный эквивалент охватывает значение исходного предмета или явления. При переводе же некоторых лексических единиц нужно учитывать и тот факт, что христианское богослужение чрезвычайно насыщено символами, и таким образом предлагаемый переводчиком эквивалент должен служить не только функциональным аналогом исходного предмета или явления, но и нести сходное символическое содержание.

Калькирование в общем можно рассматривать как компромиссное решение между двумя ранее рассмотренными вариантами.

Описательный перевод в ряде случаев возможен, однако далеко не всегда. Когда переводчик готовит английских текст рубрик, включающих в себя технические указания духовенству, такая стратегия вполне приемлема. Например, в указания зажечь «паникадило» (гречи.: «Πολυκάνδηλο») описательный перевод «Multi Vigil Oil» представляется вполне уместным. Но если речь идёт о тексте, исполняемым вслух, такой вариант вряд-ли приемлем.

Очевидным примером безэквивалентной лексики в православном богослужении являются именованя богослужебных облачений (хотя, как мы увидим далее, не всех).

Далее мы рассмотрим, как в переводах Хэпгуд [5] (первом опыте перевода православного Служебника на английский язык) [4] и Служебника 2013 г. [6]. переданы названия богослужебных облачений священника и диакона Православной Церкви и попытаемся объяснить причины того, почему переводчиками была выбрана именно такая стратегия.

Указанные варианты перевода, вместе с исходными греческими реалиями и их эквивалентами на русском языке приведены в таблице 2 ниже.

Стихарь — это богослужебное облачение, представляющее собой прямую длинную одежду с широкими рукавами. В русской традиции так именуется часть облачения чтеца, иподиакона и диакона. У них это облачение является верхней богослужебной одеждой. Аналогичная одежда для священника, напротив, является нижней. Поэтому в современном русском обиходе её именуют иначе — «подризник». При этом символическое значение обеих одежд одинаково — обозначение того, что при крещении христианин освобождается от грехов, в знак чего на него одевается белая одежда, как символ чистоты. Более того, хотя традиционно стихарь диакона

Таблица 1. Перечень богослужебных облачений священника и диакона при совершении Литургии

Греческое название	Русский перевод	Перевод Хэпгуд	Перевод Служебника Православной Церкви в Америке 2013 г.
στοιχάριον	Стихарь	Dalmatic	Sticharion
	Подризник	Dalmatic (podrisnik)	
ὄράριον	Орарь	Stole	Orarion
ἐπιμανίκια	Поручи	Gauntlets	Cuffs
ἐπιγονάτιον	Набедренник	Epigonation	
	Палица		
Ζώνη	Пояс	Girdle	Belt
επιτραχήλιον	Епитрахиль	Priestly stole (epitrakhil)	Epitrachelion
φαιλόνιο	Фелонь	Chasuble (felson)	Phelonion

и подризник священника шьют из разных материалов, причём подризник всегда белого цвета, в то время как цвет стихаря меняется в зависимости от богослужебного календаря, тем не менее при рукоположении диакона в сан священника, в момент совершения самого чинопоследования диаконский стихарь не заменяется на подризник, а фактически выполняет его функцию: остальные священнические облачения возлагаются на ставленника поверх стихаря.

В своём переводе Хэпгуд предлагает вариант, представляющий собой функциональный эквивалент: «далматика» в Католической традиции и функционально и символически несёт ту же нагрузку. Однако, поскольку все-таки «далматика» все-таки преимущественно используется в Католичестве диаконами, Переводчица считает важным привести в скобках транслитерацию в случае с облачением священника.

В Служебнике 2013 г. оба варианта одинаковы и представляют собой транскрипцию греческого оригинала.

Орарь — принадлежность диаконского и иподиаконского облачения, которая представляет собой длинную ленту, которой крестообразно опоясываются (иподиаконы всегда, диаконы — лишь в отдельные моменты богослужения) или возлагают на левое плечо (только диаконы). При этом в символическом плане священническая епитрахиль несёт ту же нагрузку, что и диаконский орарь — символ потерянной овцы из евангельской притчи (Ин. 10 1–16), которую Христос, Добрый Пастырь, найдя, возлагает себе на плечи. С этой точки зрения епитрахиль — это орарь, который возложен на оба плеча, а не на одно.

Хэпгуд вновь использует здесь функциональный эквивалент «stole», поскольку в Католической традиции «стола» имеет тоже символическое значение и выглядит примерно также, как и орарь. Тем не менее в случае с епитрахилью опять же в скобках приведена транскрипция а также уточняется, что речь идеи именно о принадлежности священнического облачения («priestly stole»). В Служебнике 2013 г. вновь используется транскрибирование.

Поручи — деталь облачения священника и диакона, представляющая собой нарукавницы. В случае со священником у них есть вполне функциональное значения: и их помощью рукава подризника фиксируются таким образом, чтобы они не мешали совершению богослужебных действий.

В случае с диаконом у этих элементов по преимуществу символическая нагрузка — так обозначается, что во время богослужения руками духовенства действует сам Христос.

В Католической традиции аналог поручей отсутствует, поэтому Хэпгуд предлагает частичный функциональный эквивалент «gauntlets» — исторически, часть рыцарского доспеха, одеваемая на кисти рук. Употребление этого слова в данном значении фиксируется с XV века [2]. Сейчас так могут обозначаться обычные защитные перчатки для фехтования. В Служебнике 2013 года выбран иной функциональный эквивалент — «cuffs». Слово также фиксируется в английском языке с XV века с приблизительно тем же значением, что и сейчас: манжеты. Стоит также отметить, что указанное слово означает также «наручники». Такая коннотация в контексте богослужебном оказывается также весьма уместной, поскольку ещё одно символическое значение поручей — узы Христа.

Набедреник — принадлежность богослужебного облачения исключительно священника, причём принадлежность необязательная и характерная только для славянских церквей. Ношение набедренника — одна из богослужебных наград. В символическом плане означает то же, что и палица (еще одна богослужебная награда) — духовный меч. В греческой традиции набедренник не используется. Набедреник представляет собой прямоугольный плат, а палица — плат ромбовидной формы. Оба элемента одеваются через плечо благодаря прикреплённым к углам лентам.

В Католической традиции полного функционального эквивалента палицы нет, поэтому Хэпгуд прибегает к транскрибированию («epigonation»). Традиция сохраняется в переводе Служебника 2013 г. При этом ни в переводе Хэпгуд, ни в Служебнике 2013 года набедренник и палица никак не различаются.

Пояс — элемент с очевидно функциональным значением. В силу этого фактора полный функциональный эквивалент можно найти практически в любом языке. Хэпгуд предпочитает более архаичный вариант «girdle», в Служебнике же 2013 г. используется более приземлённый и прозаичный вариант «belt».

Наконец фелонь — верхнее богослужебное облачение исключительно священническое, представляющее собой дюнное одеяние без рукавов

и символически обозначающее «высочайшую и подаваемую свыше силу и озарение Духа» [3]. Поскольку в Католической традиции есть полноценный функциональный аналог — казула, которая и исторически и символически и этимологически оказывается полным аналогом фелони: оба слова происходят от названий верхней одежды на греческом и латинском языках соответственно (лат. «casula» — «плащ»), неудивительно что Хэпгуд предпочитает вариант «chasuble», однако, как обычно в таких случаях, приводит в скобках транскрипцию греческого слова («felon»). В Служебнике 2013 г. предпочитают транскрибировать иначе: «phelonion», точнее передавая исходное греческое звучание и следуя традиции передавать звук «ф» в греческих заимствованиях сочетанием «ph».

Как видно из приведённого сопоставления, в целом Хэпгуд предпочитала использовать функциональный эквивалент, если в Католической традиции он существовал, или если была возможность подобрать такой эквивалент из внебогослужебной лексики. В тех случаях, когда полноценный эквивалент отсутствовал, Хэпгуд к транскрибированию.

В Служебнике же 2013 г. происходит последовательный отказ от использования функциональных эквивалентов, заимствованных из Католической традиции. Преимущественным способом перевода является транскрибирование, от которого в пользу функционального эквивалента отказываются лишь в том случае, если такой эквивалент представляет собой полионим.

Указанные особенности в стратегиях перевода реалий могут быть объяснены двумя тенденциями: сознательным стремлением православных переводчиков дистанцировать свои богослужебные тексты от Католической богослужебной традиции и претензией Православной Церкви в Америке на статус национальной поместной православной церкви США.

Стремлением уйти от своего русского бекграунда, привлекая для этого прихожан, не имеющих русских корней, которые принадлежат к американской культуре, можно усмотреть в том, что в отличие от Хэпгуд, в Служебнике 2013 г. Православной Церкви в Америке не видно попыток отразить особенности богослужебной практики Русской Православной Церкви.

Что же касается взаимоотношения с Католичеством, то несмотря на то, что США — по преимуществу протестантская страна, большинство аме-

риканцев знакомы с различными аспектами католической культуры, в том числе и богослужбной. Важно учесть, что во второй половине XX века Католическое богослужение в США стало по преимуществу совершаться на английском языке. В этих условиях отказ от заимствования функциональных аналогов из богослужбной практики Католической Церкви может рассматриваться как сознательная стратегия, суть которой в дистанцирование от альтернативной христианской конфессии. Фактически для прихожан таким образом подчёркивается собственная конфессиональная идентичность.

Список литературы

1. Антонова А. М. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре: дисс. ... канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2002.— 212 с.
2. Исторический словарь английского языка. — URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Солунский С. О священнодействиях и таинствах церковных. — М.: Сибирская Благовонница, 2017.— 656 с.
4. Florence I. Service Book of the Holy Orthodox-Catholic Apostolic (Greco-Russian) church. — New York: Houghton, 1906.— 664 p.
5. Ledkovsky M. A Linguistic Bridge to Orthodoxy: In Memoriam Isabel Florence Hargood // A lecture delivered at the Twelfth Annual Russian Orthodox Musicians Conference. — Washington, D.C., 1998.— 12 p.
6. Service Book (Служебник). — New York: Houghton, 2013.— 118 p.

УДК 82–312.9

The meaning of the subtitle “Modern prometheus” and what it implies about the values of romanticism in “Frankenstein” by M. Shelley

Масленникова Анастасия Германовна

студент бакалавриата Московского педагогического
государственного университета

***Abstract:** Frankenstein, or the Modern Prometheus by M. Shelley is one of the most famous works of Gothic literature. The story is about the scientist who attempts to animate a lifeless corpse and, as a result, is forced to face terrible repercussions of this act. Mary Shelley's novel has a rich, multi-layered background which is reflected in the subtitle alluding to a Greek myth about Prometheus and showing the writer's attitude to Romantic poets. There are a number of similarities between Victor Frankenstein and Prometheus. Furthermore, Mary Shelley criticized Promethean poets, being the wife of one of these poets and giving the novel the subtitle conveying the values of Romanticism.*

***Аннотация:** «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли — одно из самых известных произведений готической литературы. В нем рассказывается об ученом, который пытается оживить безжизненный труп и в результате вынужден столкнуться с ужасными последствиями этого поступка. У романа Мэри Шелли богатая, многослойная предыстория, которая отражена в подзаголовке, отсылающем к греческому мифу о Прометее и показывающем отношение писательницы к поэтам-романтикам. Между Виктором Франкенштейном и Прометеем есть ряд сходств. Кроме того, Мэри Шелли критиковала прометеевских поэтов, будучи женой одного из них и давая своему роману подзаголовок, передающий идеи Романтизма.*

***Keywords:** Prometheus, parallels, subtitle, meaning, criticism, Romanticism.*

***Ключевые слова:** Прометей, параллели, подзаголовок, значение, критика, романтизм.*

Introduction

The period from the end of the 18th century to the middle of the 19th century saw the rise of Romanticism, a literary movement which focused on individualism and feelings. It acted as a response to the Enlightenment and the Industrial Era where science and rationality were the primary factors. By contrast, Roman-

tic writers aspired to influence people's minds through stories based on interest in history, an affinity with nature and the importance of characters' feelings and thoughts rather than their actions. Therefore, epistolary novels were popular among Romanticists as they gave insights into heroes' minds and relied on subjective perspectives. Mary Shelley's *Frankenstein* is a prime example of an epistolary novel with romantic elements. The writer utilized letters as a framing device which presented the story from the perspective of an English traveller named Walton. Advancing towards the North Pole, the man encountered the injured Victor Frankenstein and recorded the dying man's story. Victor confessed that he had the most intense longing to disclose the secrets of nature and animated a lifeless thing, which led to countless unfortunate incidents. Consequently, Frankenstein was subjected to severe consequences for the interference with nature.

Literature review

Frankenstein by Mary Shelley is among the most influential Gothic novels from the 19th century. The Greek myth about Prometheus had an impact on the writer and the novel. The character of Frankenstein was inspired by the figure of the mythological hero and the novel's subtitle is corresponding. In the tale, the titan created figures of clay and Athena gave the initial spark for the figures. Man started adoring the name of Prometheus. The same way, Victor discovered the art of animation and decided to create a creature, "a New Adam" [2, p. 7]. There was tension in the relationships between the father and the child from the beginning. In the end, both were completely destroyed. The second parallel between these men is that both longed to do good deeds [3, p. 71]. The former decided to steal fire from Olympus to help people and started educating them, thereby disobeying Zeus's commands. In turn, Frankenstein discovered "the cause of generation and life", therefore, breaking immutable natural laws [5, p. 33]. Consequently, both men were severely punished for the rebellion against the superior power. Thus, the subtitle can be considered as "a tool of foreshadowing" because a reader well versed in mythology may realise that the protagonist of the story will suffer the same fate as Prometheus [1, p. 2]. Besides, having amazing privileges is another similarity between Victor and Prometheus as the former was born in an affluent family and received a high-quality education while the latter possessed immortal-

ity [1, p. 2]. These factors exacerbated their sufferings as Prometheus was chained to a rock forever while the scientist had a hard time admitting the fact that he had misused his intimate knowledge of natural philosophy and breathed life into the “demoniacal corpse” [5, p. 38]. The monster was the reason for many tragic events and, eventually, Frankenstein’s utter destruction. Therefore, there are some possible similarities between the lives of Prometheus and Victor. However, the similarities described represent only the outer layer of the message conveyed in the subtitle. Its deeper layer is Mary Shelley’s criticism of Promethean poets and romantic ideology overall.

Research methods

To begin with, William Godwin, Mary Wollstonecraft and Percy Bysshe Shelley were the most influential people in the writer’s life. The first one, her father, was the founder of philosophical anarchism whereas her mother wrote on feminist topics. Mary Shelley’s husband was a famous poet of Romanticism radical in his views. Another important person in the writer’s life was Lord Byron, one of the leaders of the Romantic movement. The poet had a direct influence on *Frankenstein* because he suggested writing Gothic stories in a circle of his companions including Shelley. In general, all these people longed for the significant transformation of human nature with the annihilation of discrimination and violence. Thus, the new world would be purified from any sufferings, corruption and other flaws of society. Apart from these, the very concept of mortality should be eliminated, which would transform people into living gods. In turn, Frankenstein was eager to unlock the secret of life and then enlighten the world [5, p. 35]. Coming into conflict with nature, Victor dedicated himself to animating a lifeless thing hoping to be admired by a new race “as its creator and source” [5, p. 35]. Therefore, Victor’s aim was to endow people with divine abilities and, hence, make them a superior race. As can be seen, the ideas of Romantic poets and Frankenstein were similar, inspiring them to make every effort to realise their goals. To expand on this, Romantic thinkers expressed their ideas in the poems and, in particular, alluded to the figure of Prometheus. For instance, in the works of Goethe, this mythological character is the artist who went against the gods’ will and discovered his creative capabilities. As for Frankenstein, he had been dog-

gedly pursuing his goal for a long time until he succeeded in creating the monster. However, Victor's grand plan was set to failure from the very beginning as possible disastrous consequences were not taken into account. As a result, the monster was rejected by his creator and both suffered severely until their deaths. Evidently, such tragic consummation of the scientist's ambitions implies Mary Shelley's disapproval of implies Mary Shelley's disapproval of the radical views of Romantic poets, particularly, of Percy Shelley and Lord Byron. The writer indicated the flaws in their ideas about the new society, thereby, probably trying to warn them of possible detrimental effects of their thoughts. Therefore, it is possible to make a conclusion that Mary Shelley's modern Prometheus, Victor Frankenstein, both has a direct connection with her Romantic acquaintances and conveys the writer's view on Romanticism and its weaknesses. However, although Mary Shelley criticised Romanticism in her novel, the values of this literary movement are still implied in the subtitle [4, p. 613]. First of all, as has been already mentioned, the Greek myth about Prometheus was sample and an inspiration for the writer and her novel. There are multiple parallels between these stories, which confirms that the focus in the work is on history and identity, one of values of Romanticism. Another important issue which Romantic writers touched upon in their works was the key role of feelings and imagination. Moreover, immediate reactions and impulsive actions of Romantic characters were often a driving force for the plot. This praise of emotions can be also traced in *Frankenstein*. After disclosing the secret of nature, the scientist was so overwhelmed by this and enthusiastic about his future success that was unable to retain control. Guided by impulses and strong emotions, Victor considered neither the flaws in his plan nor its possible calamitous consequences. Blinded by the acquired power, the man finally realised his terrible mistake when the tragedy was inevitable. Similarly, Prometheus was eager to free the world from the totalitarian regime of Zeus, an omnipotent God, and help people so he did not manage to analyse the consequences and was punished for this. These examples clearly demonstrate that both men acted in a spontaneous way and relied on their feelings rather than reason. Such behaviour was typical of Romantic characters. Apart from these, nature is important in *Frankenstein* and may even be seen as a separate character in the novel, the antagonist. Exploring new possibilities, Victor transgressed against the immutable laws of nature because only God has a right and ability to generate life. He failed to take

responsibility for his destructive actions and was harshly punished. Prometheus's rivalry with the superior power had similar repercussions as the man was put in a perpetual vicious circle of life and death. Thus, nature is presented as the superior power and defender of its sacred boundaries against humans. Affinity with nature is one of values of Romantic works and the significance of maintaining a good relationship with it is vividly conveyed in the novel. In general, both Victor and Prometheus can be called "Romantic heroes". Isolated from society, they rejected the established norms coming into conflict with nature and exploring unknown fields. Besides, they were prone to wanderlust in difficult periods of their lives and were engaged in the quest of self-discovery. All these facts make Frankenstein and Prometheus rebellious spirits, or "Romantic heroes". To sum up, such ideas of the Romantic movement as interest in history and identity, affinity with nature and the key role of feelings are implicitly conveyed by the author in the subtitle of *Frankenstein*.

Key results and discussion

As can be seen, apart from the outer layer of meaning of the subtitle "Modern Prometheus" of Mary Shelley's *Frankenstein*, there is also a deeper one described in the article. Despite the fact that Mary Shelley remained faithful to the values of Romanticism as the subtitle implies some of them, the writer's critique of Romantic poets, including her relatives, is the main message of the subtitle. Thus, although it is difficult to precisely define the attitude of Mary Shelley towards Romantic ideology in general, the writer's voice expressed through the subtitle of the novel vividly shows that M. Shelley did not fully approve of the ideas of Romantic, or "Promethean", poets.

Conclusion

To conclude, there are two meanings of the subtitle of the novel, explicit and implicit. The former relates to the association of Victor Frankenstein with Prometheus as the intentions, actions and destinies of both men were similar. The hidden message of the subtitle is Mary Shelley's critique of revolutionary ideas of Romantic writers and her parents. Furthermore, such values of Romanticism as

the predominance of feelings, celebration of nature and connection with history are implied in the subtitle together with the representation of Frankenstein and Prometheus as “Romantic heroes”.

References

1. Альяс К. Франкенштейн, или Современный Прометей // Academia.edu. 2017. С. 1–7.
2. Блум Г. «Франкенштейн» Мэри Шелли // Литературная критика Блума. 2007. С. 3–15.
3. Меллор А. К. Мэри Шелли: Ее Жизнь, Ее Проза, Ее Монстры // Пресса Психология. 1989. С. 50–75.
4. Шуг Ч. Романтическая форма «Франкенштейна» Мэри Шелли // Исследования в английской литературе 1500–1900 гг. 1977. Т. 17. № 4. С. 607–619.
5. Шелли М. У. Франкенштейн, или Современный Прометей // Каталог электронных книг. 1994. С. 21–40.

УДК 82–131

How the values of guest-friendship define the difference between civilisation and barbarism in Homer's Odyssey

Масленникова Анастасия Германовна

студентка бакалавриата Московского педагогического государственного университета

***Abstract:** In Ancient Greece, the law of xenia played a crucial role. This included such notions as hospitality, generosity, guest-friendship, and respect for the gods. Strangers were considered to be under the sacred protection of gods so breaking the code of hospitality meant disobeying the gods. Moreover, if hosts treated guests in a proper manner, this act of kindness was expected to returned later. In The Odyssey by Homer, it is possible to find various examples of good and bad hosts. The former was, for instance, the Phaeacians whereas the latter was the Cyclops. The Phaeacians had a set of strict rules to follow and, therefore, were the representatives of*

the civilised society. By contrast, the Cyclops belonged to the barbaric society because these creatures did not have any laws to obey.

Аннотация: В Древней Греции гостеприимства играл важнейшую роль. Он включал в себя такие понятия, как щедрость, дружелюбие к гостям и уважение к богам. Считалось, что странники находятся под священной защитой богов, поэтому нарушение кодекса гостеприимства означало неповиновение богам. Более того, если хозяева обращались с гостями подобающим образом, то ожидалось, что этот акт доброты вернется им впоследствии. В «Одиссее» Гомера можно найти различные примеры хороших и плохих хозяев. К первым относятся, например, феакийцы, а ко вторым — циклопы. Феакийцы придерживались строгих правил и, следовательно, были представителями цивилизованного общества. Циклопы же, напротив, принадлежали к варварскому обществу, поскольку эти существа не имели никаких законов, которым должны были подчиняться.

Keywords: *hospitality, guests, gods, civilisation, barbarism, law.*

Ключевые слова: *гостеприимство, гости, боги, цивилизованность, варварство, закон.*

Introduction

Nowadays, hospitality is often considered to be unnecessary and even dangerous. However, back then, in Ancient Greece, the code of hospitality was seen as a crucial cultural law which regulated the social conduct of Greeks. Xenia is a Greek word for hospitality and this aspect is vividly shown in Homer's *Odyssey*. In short, *The Odyssey* is an epic poem which gives an account of the story of Odysseus's homecoming during the 10-year period and the obstacles he was to overcome to return to Ithaca after the Trojan war. In the work, the author explored the problem of guest-friendship and managed to shed light on the principles by which the life of the ancient Greeks was guided. Thus, the research aims to define how the values of guest-friendship define the difference between civilisation and barbarism in *The Odyssey*. The paper has the following structure: literature review, research methods, key results and discussion, conclusion and work cited.

Literature review

In Ancient Greece, the very notion of xenia implied the respectful and generous attitude towards strangers who visited the land. The man was expected to

provide guests with food, a bath and other conditions necessary to recover from a long journey and prepare for the next one [4, p. 27]. There were a number of reasons why strangers had to be treated in this way. First and foremost, guests were considered to be under the sacred protection of the Gods. Zeus, the “king” of the Gods, was seen as the benefactor of all the strangers who needed rest and aid in the foreign lands [1, p. 244]. Thus, treating them in the inhospitable manner was equal to disrespecting Zeus and breaking the God’s law. In addition, the fact that the Gods could have been disguised as beggars or poor travellers also “ensured the enforcement of the moral duty of hospitality” among the ancient Greeks [5, p. 506].

Another reason for the show of hospitality towards guests was to lay the foundation for cooperation in the future. Ancient Greeks followed the principle “do as you would be done by” [5, pp. 506–507]. Consequently, by providing a warm reception of strangers, hosts in Ancient Greece expected to be treated in the same way in the role of guests in the future. Certainly, the sense of brotherhood also contributed to this tradition of generosity, but this was not the key factor in some cases [2, p. 134]. Therefore, as can be seen, the necessity to comply with the Gods’ will, or even maybe the fear of the Gods’ wrath, and the development of collaboration for the future were among the key reasons why Greeks were generous towards strangers and beggars.

Research methods

To begin with, as hospitality is one of the main themes presented in *The Odyssey*, it is possible to find a number of examples of this feature in the poem which indicate what appropriate or inappropriate attitude towards Odysseus as a traveller says about his hosts. For instance, there is a significant difference between the ways Odysseus was welcomed by the Phaeacians and by the Cyclops. The former played a crucial role in the man’s returning home. These people were fully aware of the principles of guest-host relationships. Upon finding Odysseus on the shore, Princess Nausicaa said, “So, my girls, give this stranger food and drink. Then bathe him in the river ...” [3, p. 122]. Then the girl helped him to get to the palace of her father Alcinous where the man was met with a grand feast. The Phaeacians listened carefully to Odysseus’s stories and then helped the hero to reach the city

of Scheria. Likewise, Odysseus played the role of a good guest who accepted the gifts of the Phaeacians with gratitude.

By contrast, the Cyclops are presented as bad hosts. When Odysseus with the crew arrived at the island where these creatures lived, the man brought with him some wine and cheese to share with the hosts and asked Polyphemus, one of the Cyclops, to provide his people with food and shelter in accordance with the tradition of guest-friendship. However, this was a huge mistake as the cyclops, instead of feeding the guests, decided to eat some crew members and keep the rest as cattle. Possibly, the reason for such an inhospitable attitude towards strangers lies in the Cyclops' contrary nature. As Polyphemus put this, "I wouldn't spare you or your comrades to escape the wrath of Zeus ..." [3, p. 174). These creatures considered themselves stronger than gods and, therefore, didn't obey the Greek law of hospitality. Thus, it is possible to notice that not all the characters in *The Odyssey* were willing to be good hosts due to the principles of their culture.

Before the discussion of the polarity of the Cyclops' culture it is necessary to define the difference between the two core concepts — "civilisation" and "barbarism". The factors which make the former possible are law, organisation and craftsmanship. For instance, the Phaeacians gathered to discuss the common law and their civilised society could be compared to a well-functioning system. This was contrary to how the life of the Cyclops was organised. They were not aware of any concept of communal justice and a state of anarchy prevailed on their island. This is what is called barbarism. Evidently, the main difference between the civilised and uncivilised societies is the existence or absence of laws to follow. The Phaeacians, as has been discussed before, strictly obeyed the code of hospitality and respected the Gods, so they can definitely be called civilised society. However, the example with the Cyclops is completely opposite to the situation with the Phaeacians. It is possible to suggest that since Cyclops did not obey any laws, then the law of *xenia* was not a priority at the island of the Cyclops too. The Cyclops were not used to providing a warm and generous welcome for poor travellers therefore they violated the will of Zeus and other gods. This is why the culture of these creatures can be called barbaric. As can be seen, the values of *xenia* predominant in some cultures and meaningless in other cultures indeed play a crucial role in distinguishing between civilisation and barbarism in *The Odyssey*.

Key results and discussion

As can be seen, in Ancient Greece, the attitudes of various people and creatures towards guests differed from culture to culture. The Phaeacians were good hosts and, hence, probably rewarded by gods for following the law of *xenia*. However, the very essence of the Cyclops' nature did not entail the show of hospitality towards strangers, but, probably, gods were afraid of opposing these giant creatures. Thus, the Cyclops' culture can be characterized as barbaric due to the absence of any laws at the island. Phaeacians are, vice versa, an example of civilised society in Ancient Greece.

Conclusion

In conclusion, *xenia* was an important piece of cultural law in Ancient Greece and, in particular, in the story about Odysseus. There were a number of reasons why Greeks were used to showing a hospitable attitude to strangers and beggars and many characters in the poem also possessed this trait whereas others, like the Cyclops, defied this law of guest-friendship. The way Odysseus was met by the Phaeacians indicates the civilised nature of these people. By contrast, the Cyclops' inhospitable reception of the hero and his crew confirms that these creatures can be attributed to the barbarian society.

References

1. Флорес С. О. Философия странников: Гостеприимство и Панэлленизм в законах Платона // Полис: Журнал для древних греков для размышления на тему римской политики. Т. 39. № 2. 2022. С. 237–260.
2. Фоули Х. П. Ритуал в Древней Греции. 1992. С. 131–136.
3. Гомер. Одиссея // Издательство Xist. 2015.
4. Осборн М. Дж. Граждане, друзья и пу в Афинах // Ресурсы по древней истории для преподавателей. Т. 20. № 1. 1990. С. 20–62.
5. Питт-Риверс Дж. Закон гостеприимства // Журнал этнографической теории. № 2.1. 2012. С. 501–517.

УДК 82

Мотив страха в произведениях зарубежной и русской литературы

Марачева Алла Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского

Назаруха Иллариya Алексеевна

студентка направления подготовки «Педагогическое образование»
Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского

***Аннотация:** Статья посвящена мотиву страха в зарубежной и русской прозе. Авторы исследуют природу страха как эмоциональное состояние ребенка и анализируют страх как чувство, возникающее из-за ощущения смертельной опасности, у взрослого. В статье рассматривается специфика страха в рассказе Амброза Бирса «Чикамога» и повести Н. В. Гоголя «Вий».*

***Abstract:** The article is devoted to the motif of fear in foreign and Russian prose. The authors investigate the nature of fear as an emotional state of a child and analyze fear as a feeling arising from the feeling of mortal danger in an adult. The article considers the specificity of fear in Ambrose Bierce's story "Chikamoga" and N. V. Gogol's story "Viy".*

***Ключевые слова:** мотив страха, Амброз Бирс, рассказ «Чикамога», Н. В. Гоголь, повесть «Вий».*

***Keywords:** motive of fear, Ambrose Bierce, story «Chickamauga», N. V. Gogol, story «Viy».*

Страх — одна из самых древних и сильных человеческих эмоций. В русской и зарубежной художественной литературе немало писателей анализируют причины появления тревоги, предчувствия чего-то плохого, паники, тотального ужаса. В литературном произведении, как и в жизни, чувство боязни, подлинное переживание настоящего страха может существенно изменить или даже разрушить жизнь как ребенка, так и взрослого.

Говоря о мотиве страха в литературе, нельзя не вспомнить прозу американского писателя Амброза Бирса, для творчества которого характерны

сатирический гротеск, реалистичное изображение неотвратимости заслуженной судьбы и динамики развития человеческого страха. Все это вызывает потрясение у читателя.

В произведении «Чикамога», которое относится к циклу рассказов о гражданской войне в США, со страхом дважды сталкивается маленький мальчик. Это сын небогатого плантатора, потомок солдат, которые всю жизнь воевали, отнимая чужие жизни. Герой с большим удовольствием играет в войну, размахивая деревянным мечом *«со смелостью, достойной потомка героической расы»* [2].

Именно это желание убивать служит причиной дальнейшего наказания мальчика и его семьи. Как отмечает А. Аствацатуров, «Мальчик, как и большинство персонажей Бирса, удручающе одномерен. Этот воинственный дух является в своей основе инстинктом убийства, борьбы за выживание» [1].

Но пока до этого момента еще далеко, и герой может спокойно играть. Он храбрый и сильный воин, в одиночку исследующий большой лес. Однако мальчик убегает, страшно испугавшись кролика с его длинными ушами. Переночевав в лесу, ребенок сталкивается уже с реальной ужасающей картиной. Он видит раненых конфедератов, которые изо всех сил ползут к ручью Чикамога. *«Они ползли на руках, волоча за собою ноги. Они ползли на коленях, а руки их плетью висели вдоль тела. Они пытались подняться, но тут же как подкошенные падали ничком на землю... Мальчик безбоязненно двигался среди них, переходя от одного к другому, с детским любопытством заглядывая им в лица»* [2].

Горькая ирония рассказа заключается в том, что мальчик испугался безобидного зверька, но отнюдь не боится очевидных страшных вещей. Зато чувство тревоги начинает испытывает читатель, которому становится страшно за судьбу ребенка.

Детская психика пытается защитить мальчика, превращая происходящее в игру. Главный герой залезает на спину одного из ползущих людей, и, представляя, что едет на настоящем коне, возглавляет шествие полуживых калек. В жилах мальчика течет то, что передается из поколения в поколение — стремление к славе через военные сражения. Он не боится даже пожара и готов вступить в схватку с огнем, бесхитростно принимая и эти правила придуманной игры.

Но с самого начала главный герой «Чикамоги» был обречен на встречу с более жестокой силой, которая сделает его сиротой и навсегда изменит его жизнь. Всего один момент, и весь мир ребенка будет в руинах: *«Что-то сдвинулось в его ребячьем мирке, и окрестность предстала перед ним под новым углом зрения. В горящем строении он узнал собственный дом! По другую сторону дома, озаряемое пламенем пожара, лежало тело мертвой женщины...»* [2].

Перед мальчиком предстает ужасная картина настоящей, реальной войны. Это последствия мучительной жажды побеждать, подчинять своей силе и распоряжаться чужими жизнями. Горящие здания, изуродованные трупы, уничтоженная природа и неестественная тишина.

Последние строки рассказа показывают жестокость и беспощадность судьбы: *«Ребенок задвигал руками, делая отчаянные, беспомощные жесты. Из горла его один за другим вывалились бессвязные, непередаваемые звуки, нечто среднее между лопотаньем обезьяны и кулдыканьем индюка, — жуткие, нечеловеческие, дикие звуки, язык самого дьявола. Ребенок был глухонемой»* [2].

В этот момент мальчик, познавший наказание, не может ни выплеснуть настоящие чувства, ни спасти себя. Он стоит посреди своего горящего мирка один, брошенный и забытый. Именно теперь герою становится по-настоящему страшно. Страх одиночества и безысходности здесь выступает наказанием ребенка за наивность и беспечность, а также за грехи взрослых.

Страх в мире взрослых, которые лишены детской наивности и многое знают о реальном и потустороннем мире, имеет несколько иную природу. Иногда он может просто парализовать волю человека, абсолютно лишив его сил сопротивляться.

Именно об этом повесть Н. В. Гоголя «Вий». Герой произведения Хома Брут

показательный пример того безмерного ужаса, который возникает из-за ощущения опасности за рассудок и жизнь, а «сами слова «страх» и «страшный» используются в повести почти исключительно для описания внутреннего состояния Хома» [4].

Поначалу главный литературный персонаж повести мужественно пытается взглянуть своему страху в лицо. Две ночи Хома стоически сопро-

тивляется ведьме и нечистой силе, вспоминая, что он казак, которому не пристало бояться. Но на третью ночь герой окончательно понимает, что потусторонний мир так же реален, как мир людей. Более того, этот мир обладает колоссальной силой и наполнен жуткими кошмарами. Достаточно поддаться страшным образам, перестать сопротивляться Вию, как окажешься в смертельной ловушке.

Рассмотрим стадии страха героя. В первую ночь в церкви он *«все еще не мог прийти в себя и со страхом поглядывал на это тесное жилище ведьмы. Сердце у философа билось, и пот катился градом; но, ободренный петушьим криком, он дочитывал быстрее листы, которые должен был прочесть прежде»* [3].

С каждой ночью его страх только растет, а службы становятся длиннее и труднее. Хома даже предпринимает попытки покинуть это место, дожидается момента, когда все уснут и бежит через панский сад. Однако философа находит казак Явтух и приводит обратно для выполнения условия отца погибшей панночки. Далее Хома Брут сам решает исход своей судьбы. Он не борется со своим страхом, не смеется над людской натурой, а позволяет управлять собой. И все это приводит к одному единственно возможному исходу: *«— Вот он! — закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха»* [3].

Человек умирает, став заложником своей впечатлительности и фантазии. Похожую ситуацию можно встретить в рассказе Амброза Бирса «Человек и змея», где главный герой Харкер Брайтон обычное чучело с глазами-пуговицами принимает за настоящую змею с жутким магнетическим взглядом. В итоге он умирает от разрыва сердца, создав себе выдуманную опасность. Так и Хома пугается Вия, который по замечанию Н. В. Гоголя, *«есть колоссальное создание простонародного воображения»* [3].

В заключение хочется отметить, что у страха достаточно много ипостасей. Это растущая паника и ошеломляющий ужас, боязнь действительности и различные фобии, обыкновенное малодушие и тревога за близких. Страхи литературных героев не только позволяют нам анализировать характер персонажей, но и дают ключ к пониманию всего текста художественного произведения.

Список литературы

1. Аствацатуров А. Амброз Бирс: судьба и невыразимость кошмара // Нева.— № 9.— 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/9/ambroz-birs-sudba-i-nevyrazi-most-koshmara.html> (дата обращения: 23.12.2023)/
2. Бирс А. Чикамога: Собрание рассказов. — Москва: АСТ Neoclassic, 2014.— 608 с.
3. Гоголь Н. В. Вий: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Петербургские повести. — Санкт-Петербург: Азбука, 2023.— 736 с.
4. Гуляев Р. В. Философ перед лицом бессловесного ужаса («Вий» Н. В. Гоголя) // Вопросы философии. 13. 10.2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1254http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1254 (дата обращения: 11.12.2023).

УДК 82

Мотив тьмы в современном рассказе в жанре хоррора

Марачева Алла Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент Калужского государственного университета
имени К. Э. Циолковского

Назаруха Иллариya Алексеевна

студентка направления подготовки «Педагогическое образование»
Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета
имени К. Э. Циолковского

Аннотация: Статья посвящена мотиву тьмы в литературе хоррора. Авторы акцентируют внимание на характерных особенностях этого жанра массовой литературы и на примере рассказа современного российского писателя Дмитрия Мордаса «Зайчик» исследуют мотив тьмы как темное начало в душе человека, способное не только вызвать страх, но и трансформировать личность.

Abstract: *The article is devoted to the motif of darkness in the literature of horror. The authors emphasize the characteristic features of this genre of mass literature and on the example of the story “Tiny Bunny” by the modern Russian writer Dmitry Mordas investigate the motif of darkness as a dark beginning in the human soul, which can not only cause fear, but also transform the personality.*

Ключевые слова: *хоррор, мотив тьмы, Дмитрий Мордас, рассказ «Зайчик», саспенс.*

Keywords: *horror, motif of darkness, Dmitry Mordas, story «Bunny», suspense.*

Хоррор как жанр массовой литературы сегодня, как и всегда, востребован читательской аудиторией. Он претерпевает жанровые трансформации, но в целом сохраняет свой формат. Атмосфера тревоги, ожидания, мистики, жутких фантазмагорий, ирреальность и гротеск потустороннего мира всегда будоражат читателя. Как отмечает Е. А. Суханова, «хоррор давно превратился в популярный общественный продукт, который распространяется и закрепляется в сознании людей путем трансформации в хоррор-дискурс» [2, 142].

Наиболее известный современному читателю Стивен Кинг, работающий в жанре хоррора и давно заслуживший титул «короля ужасов», безусловно, в свое время оказал влияние на российского писателя Дмитрия Мордаса. По признанию автора, еще с детства он оценил роман Стивена Кинга «Оно». Сейчас среди любимых писателей Дмитрия Мордаса — Леонид Андреев, Рюноске Акутагава, Томас Лиготти, Адам Нэвилл.

В 2014 году рассказ «На холме» Дмитрия Мордаса набрал больше всех голосов в читательской таргет-группе и прошёл отбор в антологию «Самая страшная книга 2015». В том же году другой рассказ Дмитрия Мордаса «Зайчик» победил в литературном интернет-конкурсе «Чёртова дюжина», который объединяет авторов, работающих в «тёмных» жанрах: хоррор, мистика, триллер, dark fantasy. Главная задача, которую ставили перед конкурсантами — суметь по-настоящему напугать читателя.

В рассказе «Зайчик» можно выделить все признаки классического хоррора. Главный герой, двенадцатилетний мальчик Антон, смутно ощущая в себе темное начало, все-таки пытается противодействовать злу. Сова, Козел, Лиса, Волк, Медведь, которые взаимодействуют с героем, напоми-

нают классических оборотней с одной стороны и архетипические маски с другой. До самого конца рассказа напряжение не спадает, читатель не знает, кого Антон принесет в жертву и отдаст на заклатие, а это значит, что саспенс автору вполне удался.

Безусловным концептом произведений, написанных в жанре хоррор, должен быть страх. Страх представлен в рассказе не только в традиционной локации таинственного леса и его обитателей. Образ страха заключен в самом главном герое Антоне. Мотив тьмы, страшного, враждебного и парализующего начала в душе человека хорошо прослеживается в произведениях писателя, которого знает и ценит Мордас, — Леонида Андреева. Тьма как архетипическая сила и своего рода «точка невозврата» может поглощать персонажей постепенно. Но главный герой «Зайчика» сталкивается со своими смутными желаниями еще в самом начале рассказа: *«Там, в поле, кто-то танцевал. Темные, едва различимые фигуры прыгали, катались в снегу, ползали на четвереньках. Они вставали на ноги, они брались за руки и кружились, вздымая снежные вихри, исчезали и появлялись вновь»* [1]. И хотя мальчику жутко, его непостижимым образом притягивает это беззаботное веселье незнакомцев, так как в его жизни хорошего пока мало. Он новичок в классе, которому еще предстоит завести новых друзей и разобраться с буллингом.

Бессознательное темное начало проникает в реальность героя, притягивает его взгляд, не дает заснуть. Нельзя уйти от того, кем ты являешься. На протяжении всего произведения можно найти намеки на настоящего Антона: *«Он не заметил, как уснул, и во сне танцевал, взявшись за руки с огромной красноглазой лисой»* [1].

Сближение героя с ночными посетителями превращает его в такого же зверя, только скрывающегося под личиной человека. Главный герой искренне наслаждается тем, что не принято в обществе. Он без раздумий примыкает к этому безумию: *«Мальчик сунул в него руку и вытащил ломоть мяса с толстым слоем желтого жира. Антон положил кусок в рот и почувствовал, как по телу разлилось тепло. Мир вдруг переменялся. Мальчик понял, что все вокруг по-настоящему живое»* [1].

И уже в этот момент в душе Антона закрадываются сомнения о происхождении этого мяса. Небольшая фраза *«с толстым слоем желтого жира»*

[1] отсылает к обидчику главного героя. Определенное визуальное восприятие этого человека и ощущения от него (*«рыжий толстяк с прыщавым красным лицом, до странности напоминавшим гранат»* [1]) вполне складывается в образ того куска мяса.

В фантастической «трапезе» героя можно найти сходство с обрядами дикарей-каннибалов, использовавших съедение врага как часть ритуала войны и способ стать сильнее. Таким образом, помимо того, что Антон примыкает к чему-то низменному, он мстит своему врагу, возвышает себя над ним, приравнивая его останки к животному мясу. И это жуткое таинственное перевоплощение не что иное, как тьма, которая под покровом темноты пробуждает в человеке самые страшные инстинкты. Теперь Антон «стал чудишем» и каждую ночь ожидает своих «друзей», его внутренний зверь желает вырваться на волю. И в один из дней это происходит: *«Он упал на колени вместе со всеми и рвал зубами мясо, а когда насытился, лежал в снегу, который казался сейчас теплым, как пуховая перина»* [1].

И тут можно вспомнить описание новых знакомых, которое Дмитрий Мордас вводил ранее: *«Звери с воем бросились к мешку, они толкались, рычали, лезли мордами внутрь и жрали мясо»* [1].

Антон становится таким же, как, например, Лиса, которая пугала его в крошечной тьме своим кровавым взглядом. Для него есть лишь инстинкты и голод, которые руководят его действиями: *«Антон забегал по комнате, точно где-то в ней мог быть припрятан мешок с мясом, потом вспомнил, что в холодильнике всегда лежало несколько килограмм мороженных костей для супа. Открыв морозилку, Антон вытащил мясо, разорвал на нем пакет и укусил»* [1].

Пласт повествования, связанный с дневной реальностью (домашнее утро, дорога в школу, беседы с сестрой Олей и подругой Полиной, размышления о пропавших детях, столкновения с Семеном), уступает место ночной жизни, в которой доминирует мотив тьмы. Тихий и обыкновенный мальчик из заботливого старшего брата трансформируется в жестокого и опасного зверя, Зайчика, готового прислуживать лесу и его Хозяину. Даже сестра становится ненужным свидетелем всех его преступлений: *«Антон оскалил. — Опять ты здесь! — прошипел он, и рука нащупала под курткой нож. — Все высматриваешь!»* [1].

Дом становится чужим, а настоящей семьей — уродливые сущности леса. Ради того, чтобы кормить новоиспеченную семью, мальчик убивает пса.

С этого момента для мира главный герой становится безжалостным убийцей и своеобразным олицетворением смертного греха чревоугодия, а для Хозяина леса и его приспешников — удобным орудием для продолжения своего безумного пира.

Но стоит упомянуть, что был момент просветления в душе героя, когда он увидел, кем он стал: «Он хотел уже достать нож, но вдруг увидел себя со стороны. Глазами Оли. Весь в крови, с пакетом мяса. Чудовище» [1].

Классическая тема хоррора — зло, которое внутри человека, раскрыта писателем по-своему. Отказавшись подчиниться страшным темным силам, главный герой рассказа все равно обречен совершить ужасное и вынужден надеть маску жуткого Зайчика, принести в жертву подругу, чтобы спасти сестру.

Список литературы

1. Мордас Д. Зайчик: Зайчик и другие рассказы. — Москва: ЭКСМО, 2023. — 192 с.
2. Суханова Е. А. Типология и характерные черты хоррор-дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— 2016.— № 6—3 (60). — С. 139—142.

УДК 811

Лексические средства выражения модальности в русском языке

Чжу Шибо

студент Первого медицинского университета провинции Шаньдун (Китай, Тайань)

Аннотация: Данная статья раскрывает понятие модальности в лингвистике и проблему классификации языковых средств её выражения в русском языке. На основе

анализа основных российских трудов по языкознанию приводятся основные классификации лексических средств выражения модальности — модальных слов и модальных частиц.

Abstract: *This article reveals the concept of modality in linguistics and the problem of classifying the linguistic means of its expression in Russian. On the basis of the analysis of the main Russian works on linguistics, the main classifications of lexical means of expressing modality — modal words and modal particles — are given.*

Ключевые слова: *модальность, лексические средства модальности, модальные слова, модальные частицы, классификация модальных слов, части речи.*

Keywords: *modality, lexical tools, modal words, modal particles, classification of modal words, parts of speech, modality devices.*

Модальность в языкознании — одно из базовых и универсальных, но в то же время остродискуссионных понятий: исследователи не имеют единого мнения о границах этой языковой категории и классификации её разнообразных выразительных средств.

О модальности в контексте формальной логики рассуждал ещё Аристотель, утверждая, что всё сущее делится на существующее в реальности и в ирреальности. Из логики и философии понятие перешло в лингвистику: существует множество теорий и мнений, касающихся трактовки модальности, её уровней реализации и классификации языковых приёмов.

Языковеды дают следующее определение модальности: это обширная понятийно-синтаксическая категория языка, которая может выражать как отношение произносимой фразы к реальности (объективная модальность), так и личное отношение автора высказывания к произносимой фразе (оценка, убеждение, сомнение, согласие, эмоциональная окраска и т.д.). Это — субъективная модальность.

Один из ключевых российских лингвистов, работавших над понятием модальности, В. В. Виноградов отмечал, что любое высказывание имеет признаки модальности, так как теми или иными способами указывает на соотношение с действительностью — с помощью интонаций, лексических приёмов или синтаксиса [1].

Вполне очевидно, что учитывая обширность и размытость понятия модальности, у исследователей возникают дискуссии на предмет классификации выразительных средств, которыми она выражается. Наиболее распространено деление средств выражения модальности на грамматические (морфологические и синтаксические) и лексические языковые средства. В данной статье мы подробно рассмотрим последние.

Под лексическими средствами понимают модальные слова и модальные частицы: их относят к способам выражения субъективной модальности, так как они, как правило, придают предложению эмоциональный оттенок, оценочность. Они добавляют к базовой информации, которую даёт говорящий, дополнительный смысл: точку зрения автора, его отношение к теме, эмоциональную окраску. Грамотное и умелое использование модальных слов в речи позволяет более тонко варьировать смысл высказывания, менять смысловые акценты, более чётко достигать коммуникативных целей.

Одна из проблем классификации модальных слов — отсутствие единого мнения об их принадлежности к той или иной части речи. Они могут иметь форму существительных («*правда*, ...»), наречий («*конечно*», «*видно*», «*никак*»), причастий («*видимо*»), глаголов в разных формах («*может быть*»). Как правило, модальные слова неизменяемы, отделяются интонационно и пунктуационно, могут использоваться в качестве вводных слов или даже отдельных предложений: «Вы написали статью? — *Конечно*».

Некоторые исследователи, например, Лев Щерба, определяют модальные слова как «внечастеречные». Славист Александр Востоков выделял их в отдельную группу наречий. Наконец, Виктор Виноградов считал модальные слова отдельной частью речи, аргументируя это их общей функцией в предложении — выражать оценку автора фразы.

Модальные слова могут подразделяться на лексико-семантические ряды: собственно-модальные («*бесспорно*», «*без сомнений*»); со значением авторизации («*по-твоему*», «*по-ихнему*», «*утверждают*»); с эмоциональной оценкой («*удивительно*», «*к счастью*», «*чего доброго*»); метатекстовые, которые утверждают порядок изложения («*во-первых*», «*начнём с того*», «*с другой стороны*»); фатические, используемые с целью привлечения внимания («*представляете*», «*видите ли*»)

Частицы в русском языке — класс служебных слов, которые не имеют собственных значений, не изменяются и используются для конкретных функций: усиления смысловых и модальных оттенков и создания новых словоформ[4].

Модальные частицы разделяют на **модально-волевые** (относятся к глаголу, привносят оттенок требования или пожелания — «*Ну-ка*, давайте», «*Пускай* начинают» и **собственно-модальные**, которые подчёркивают конкретное мнение произносящего предложение [2]. Собственно-модальные частицы бывают утвердительные («*так*», «*ага*»), отрицательные («*не-а*», «*нет*»), вопросительные («*неужто*», «*ли*»), передающие речь другого человека («*дескать*»), модально-персуазивные («*едва ли*», «*вряд ли*», «*небось*», «*авось*», «*будто*», «*де*»). Последний класс может также подразделяться на подклассы: частицы, выражающие гипотетичность («*что ли*», «*чай*», «*поди*»), сомнение («*едва ли*») и избыточное сомнение («*чуть ли не*»), вопрос («*разве*»), эвиденциальность («*якобы*»), сравнение («*как будто*»).[3]

В разных контекстах одни и те же модальные частицы могут добавлять различные оттенки в произносимую фразу и в разном объёме усиливать значение сказанного автором — от предположения до глубокого сомнения, они способны превратить нейтральное высказывание в яркое эмоционально окрашенное, подчеркнуть вероятность или достоверность.

В данной статье было рассмотрено понятие лингвистической модальности, которое, несмотря на существование в поле интереса и дискуссий лингвистов уже более полутора веков, остаётся одной из сложнейших и наиболее неопределённых категорий языка. Были рассмотрены основные классификации лексических средств выражений модальности — модальных слов и модальных частиц, которые представляли наибольший интерес для изучения ввиду обширности и разнородности этого класса слов и требуют дальнейших исследований в разных аспектах лингвистики.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Труды института русского языка. — Т. 2. — М. — Л.: АН СССР, 1950—41 с.

2. Колесникова, С. М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография [Текст] / С. М. Колесникова. — М.: Флинта: Наука, 2012.— 112 с.
3. Нагорный, И. А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц [Текст] / И. А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Вып. 24. С. 13–21.
4. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. — М: Наука, 1980.

УДК 811

Варианты эвфемизации слова «смерть» в русском языке

Чжу Шибо

студент Первого медицинского университета провинции Шаньдун (Китай, Тайань)

Аннотация: Статья посвящена понятию эвфемизации лексики, разобраны функции, которые эвфемизмы выполняют в современном языке. С использованием словарей был проведён анализ и категоризация эвфемистических единиц в семантическом поле «смерть» как одной из наиболее табуированных сфер лексики в человеческой культуре.

Abstract: The article is devoted to the concept of lexical euphemization, the functions that euphemisms perform in the modern language are analyzed. Using dictionaries, the analysis and categorization of euphemistic units in the semantic field “death” as one of the most tabooed spheres of vocabulary in human culture was carried out.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, синонимы, семантика, семантическое поле, табуированная лексика, русский язык.

Keywords: euphemism, euphemization, synonyms, semantics, semantic field, taboo vocabulary, Russian language.

.....

Эвфемистическая лексика — одна из сложных и разноплановых тем теории лингвистики, так как охватывает сразу несколько её сфер: стилистики, семантики и истории развития языка. Эвфемизм по определению Лингвистического Энциклопедического словаря — нейтральное выраже-

ние, которое используется вместо нетактичного, неприличного, грубого синонима этого выражения.[1] В данной статье мы рассмотрим основные функции эвфемизмов и то, как они могли меняться с течением времени и развитием языка, а также проанализируем имеющиеся в русском языке эвфемизмы, связанной с одной из наиболее табуированных тем в культуре — с уходом из жизни.

Эвфемизмы тесно связаны с другими видами лексических единиц: жаргоном, арго, фразеологизмами, иносказаниями. Отличие и условие существования эвфемизма — наличие неприличного (нетактичного) субъекта (предмета или явления с негативными коннотациями). Эвфемизмы в некотором смысле можно назвать стилистическими синонимами с разными коннотативными оттенками [2] — и действительно, иногда использование эвфемизма вместо оригинального слова применяется не столько для скрытия негативной коннотации, сколько в качестве выразительного средства.

Первые эвфемизмы появились в языческие времена, когда их функцией было заменять первую табуированную лексику: слова, связанные с суевериями, верованиями, страхе перед природой. Здесь традиционно приводится в пример эвфемизм «медведь» как «поедатель мёда», которое пришло на замену праиндоевропейскому слово **r̥ks-os*: медведь был тотемным животным, и его настоящее название опасались произносить вслух, поэтому приходилось придумывать названия описательные — топтун, медоед, бурый [3].

Впоследствии табуированной стала христианская лексика: имя бога или чёрта нельзя было проговаривать всуе, чтобы не потревожить одного и не призвать другого. Так появились «отец небесный», «создатель» с одной стороны и «лукавый» с другой.

Замена табуированной лексики на «безопасную» — первая, но не единственная функция эвфемизмов. Также их используют для скрытия сущности неблагоприятного явления («недружественные действия» вместо «война», «места не столь отдалённые» вместо «тюрьма»); для возвышения статуса профессии («работница эскорт-службы», «оператор парковочной зоны».

Ещё одна функция эвфемизма — придание высказыванию более мягкой формы: чтобы не нарушать нормы поведения, не оскорбить и не задеть

чувства адресата. Это, как правило, слова, связанные с физиологией: «эти дни», «припудрить нос», с внешностью («девушка с пышными формами» вместо «толстая»), с возрастом («дама прекрасного возраста» вместо «старая»). Туда же относятся выражения на тему физических недостатков («маломобильные люди», «солнечный ребёнок»), а также связанные с одной из наиболее запретных и страшных тем человеческой жизни на протяжении всей истории его существования: со смертью.

В рамках данной статьи попробуем проанализировать набор эвфемистических единиц в русском языке, связанных со словами «смерть», «умирать», «умереть», «кладбище», «похороны», «покойник».

Наибольшее количество эвфемистических единиц имеется для слов «умирать»/ «умереть». Из них значительная доля имеет религиозный оттенок и связана с приходом умершего к богу: *умереть* может выражаться как *отдать богу душу, бог (Господь) призвал (прибрал), предстать перед богом (также представиться), уйти к богу, свидание с апостолом Петром, душа вон, почитать в бозе* (т.е. в боге), *уйти в лоно Авраама, отправиться на небо, окончить земной путь, уйти к праотцам, уйти в вечность; умирать* — *дышать на ладан, готовиться к встрече с богом.*

Религиозный оттенок имеют и следующие выражения, обозначающие переход в другой мир: *умереть* = *отправиться на тот свет, отправиться на небо, уйти (перейти, отправиться, переселиться) в другой (лучший) мир, закончить земной путь, оставить (покинуть) бренный (скорбный) мир, покинуть земную сень; умирать* = *быть между небом и землёй.*

Связаны с христианской идеей об окончании земной жизни и обретении вечного покоя: *обрести вечное блаженство (рай, вечное упоение, покой, долгожданный покой), отмучиться, успокоиться (навек), найти последний приют.*

Вторая большая группа эвфемизмов, которые используют вместо слов «умирать», «умереть», связаны с физиологическим концом жизни: *закрывать глаза, заснуть (почить) навеки, заснуть вечным (непробудным) сном, испустить дух (последний вздох), перестало биться сердце, не выдержало сердце; быть на последнем издыхании, смежить очи.*

Эвфемизмы со значением окончания жизненного срока: *пробил последний час, жизнь подошла к концу, доживать последние дни, дни сочтены.*

Отдельная группа синонимов слова «умереть» — разговорные или даже уничижительные выражения, которые нельзя назвать эвфемизмами, так как они имеют обратную, дисфемистичную окраску: это выражения типа: *сыграть в ящик, откинуть копыта, двинуть кони, отдать концы, склеить ласты, сложить сандалии, отбросить коньки, дать дуба, окочуриться, отбежаться, кончиться* и т.д. Часть из них происходит из тюремного арго или из полицейского жаргона — то есть от тех людей, которые со смертью встречаются часто и не испытывают к ней пиетета.

Эвфемизмы слова «умереть» схожи с эвфемизмами для слова **«похороны»**, связаны с желанием попрощаться с покойным, подчёркивают то, что это последняя встреча с человеком: *провести в последний путь, отдать последний долг, завернуть в саван, последнее прощание, найти последнее пристанище (успокоение); отдать последнюю дань, проститься*, также *отпеть, снести на погост, предать земле*. Кладбище — *погост, место вечного упокоения*.

Слово **смерть** может олицетворять мифический персонаж с определённой внешностью: *костлявая, безногая, с клюкой, старуха с косой, курносая, Азраил*. Смерть как итог жизни: *кончина, вечный покой, уход*; профессиональный эвфемизм — *летальный исход*.

Покойник: *усопший, новопреставленный, невоскресимый, почивший, бездыханный, угасший, христова невеста*.

Отдельную категорию представляют эвфемизмы, связанные с **гибелью на войне**: *павший воин, пасть в бою (на поле боя), сложить голову, положить жизнь*.

Смерть (как констатация факта и как физический процесс) была, остаётся и, вероятно, останется в будущем одной из самых табуированных тем. Несмотря на то, что процесс старения и умирания является неизбежным для всех живых существ, общество до сих пор не умеет вести прямой и конкретный разговор на эту тему, а потому и не может называть вещи своими именами. Очевидно, именование неизбежного более лицеприятным словом облегчает принятие самой идеи прекращения существования живого существа.

В данной статье были рассмотрены всевозможные варианты эвфемизмов, обозначающих этот процесс. Как и во многих других языках, боль-

шая часть выражений связана с религией, верой в загробный мир и долгожданный покой: подсознательно люди, оставшиеся в живых, хотят верить в то, что умершему человеку после смерти стало лучше, чем было на земле, — это помогает справиться с утратой и заглушить тревогу, связанную со встречей с неизведанным. При этом обилие и разнообразие синонимической лексики, как эвфемизмов, так и дисфемизмов, говорит само за себя: смерть, как неотъемлемая часть базовой жизни всех существ, остаётся смертью, как её не называй.

Список литературы

1. Арапова Н. С. Эвфемизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 590.
2. Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. — Свердловск: Свердловск. книжное изд-во, 1953. — С. 63.
3. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — М.: Просвещение, 1975. — С. 168–169.

УДК. 81–116.6

Виды языка по Соссюру

Е Бэй

студент Университета Шихэцзы (Китай)

Аннотация: Фердинанд де Соссюр, известный швейцарский лингвист, предложил концепцию о двух основных видах языка: «langue» (язык) и «parole» (речь). По Соссюру, «язык» (langue) — это система абстрактных идеальных правил, закодированных в умах носителей языка. Соссюр разделяет понятие «речи» (parole) как конкретного использования языка индивидом в конкретной ситуации. Речь представляет собой акт коммуникации, реализующий языковую систему в форме конкретных слов, фраз и высказываний. Соссюровская концепция «язык» и «речь» в основе своей помогает понять, как общие языковые правила формируют основу для создания конкретной речи и как индивидуальная речь реализует эти правила в различных контекстах общения.

Abstract: *Ferdinand de Saussure, a famous Swiss linguist, proposed the concept of two main types of language: “langue” (language) and “parole” (speech). According to Saussure, “langue” (language) is a system of abstract ideal rules encoded in the minds of speakers. Saussure shares the concept of “speech” (parole) as the concrete use of language by an individual in a particular situation. Speech is an act of communication that realizes the language system in the form of concrete words, phrases and utterances. Saussure’s concept of “language” and “speech” fundamentally helps to understand how general linguistic rules form the basis for the creation of concrete speech and how individual speech realizes these rules in different contexts of communication.*

Ключевые слова: *социальная лингвистика, язык, речь, Соссюр.*

Keywords: *social linguistics, language, speech, Saussure.*

Соссюр различает два вида языка. Два аспекта, которые выделяет Соссюр, помогают справиться с некоторыми из трудностей точного понимания того, что мы имеем в виду, когда говорим о языке. Первый из них — «язык» как «человеческая речь», включая ее психологические и физические аспекты, относящиеся как к личности, так и к обществу. Это наиболее общая категория, состоящая из следующих двух аспектов, на которых мы здесь сосредоточимся. Эти две части «языка» — «langue» (язык) и «parole» (речь), где первое можно рассматривать как компетентность, а второе — как результативность (оба в терминах Хомского).[1] Первое — это всеобъемлющая языковая система, второе — индивидуальное использование языка. Хотя Соссюр рассматривает их как отдельные явления, они также тесно связаны.

«Langue» — это система, которая делает возможным «parole». В той мере, в какой язык делает возможной речь, в нем есть социальный элемент. Как мы увидим, когда подробнее рассмотрим определения знаков, социальное и конвенциональное соглашение о том, как строятся знаки, имеет решающее значение. Можно думать о языке как о правилах игры, всей системе, включая строительные нормы, вместе с коммуникативной компетенцией. Соссюр приводит музыкальную метафору. Он сравнивает «langue» с симфонией, написанной для оркестра, а «parole» — с исполнением симфонии. Качество или природа композиции не связаны с тем, как конкретный оркестр может ее исполнить [2].

«Langue» относится к системе языка, абстрактной структуре, которая лежит в основе реальных языковых выражений. Это набор правил, грамматики, и синтаксиса, который обуславливает возможность понимания и производства бесконечного количества конкретных высказываний. «Langue» это своего рода «потенциальный язык» внутри нашего разума, который мы используем, чтобы создавать конкретные выражения.

«Parole» относится к актуальным языковым выражениям, конкретным проявлениям языка в повседневной коммуникации. Это индивидуальные выражения, фразы, предложения или тексты, которые люди произносят или пишут в определенных контекстах.

Соссюр считал, что взаимодействие между «Langue» и «Parole» подобно взаимодействию между структурой и конкретными проявлениями этой структуры в повседневной жизни. «Langue» является более абстрактным и системным аспектом языка, тогда как «Parole» представляет собой конкретные, индивидуальные выражения, используемые в коммуникации.

В то время как люди обращаются к языку каждый раз, когда они используют язык, у них нет прямого доступа к языку. Язык «не является завершенным ни у одного говорящего; он существует в совершенстве только внутри коллектива» [2]. Мы можем разумно говорить о языке, только если у нас есть сообщество говорящих. Невозможно владеть языком в одиночку. Вот почему в языке есть социальный аспект.

Каждый язык в мире, все реальные высказывания — это «parole». Как носители языка, мы выполняем действия по «parole». В то время как носители языка мы полагаемся на общее понимание (учитываемое языком), как отдельные люди, мы можем делать с языком то, чего раньше никто не делал. Можно составить предложение настолько странное, что вы будете совершенно уверены, что никто другой никогда не говорил и не писал этого. Например, «The surly clouds gathered their amusing faces and spat furiously on my new chartreuse-coloured coat». Хотя это немного поэтический пример (представляющий облака в виде людей, с лицами и настроениями), благодаря языку, системе, которую мы все разделяем, вы должны быть в состоянии понять этот оригинальный акт речи [3].

Важна взаимосвязь между «langue» и «parole». Система и правила языка могут меняться. Эти изменения происходят очень медленно и могут занять

сотни лет. Люди начинают использовать новое слово или существующее слово по-новому (все эти употребления являются речью), и другие пользователи языка понимают и перенимают это. Когда это новое языковое поведение прочно утвердится, мы можем сказать, что новая форма стала частью языка, той, которую мы все понимаем. Последняя часть важна; новое поведение должно стать узнаваемым и общепринятым, таким, чтобы его понимали другие люди. То есть акты речи опираются на абстрактную систему языка и вносят свой вклад в нее. Как говорит Соссюр, «Язык имеет индивидуальный аспект и социальный аспект. Одно немислимо без другого» [2]. Различие между языком и речью, однако, позволяет нам осмыслить их различия, понимая при этом, что они связаны. Это позволяет нам понять, как использование языка может быть индивидуальным и оригинальным и в то же время оставаться коммуникативным.

Хотя это всего лишь модель, она полезна, поскольку помогает нам понять, как язык позволяет нам общаться и как язык меняется. При этом вопросам речи уделяется большее внимание. Первая и самая важная заключается в том, что у нас нет прямого доступа к «*langue*». Хотя было бы очень удобно, если бы это было так, «*langue*» — это не большая книга, в которой записаны все коды. Единственный доступ, который есть к языковым кодам, — это особое использование языка, то есть речь.

Вторая причина, по которой мы уделяем особое внимание речи, заключается в том, что как социолингвистов нас в первую очередь интересует, как люди используют язык. Творческий аспект языка означает, что носители языка всегда будут делать что-то новое. Концепция языка и ее взаимосвязь с речью позволяет нам описать и объяснить это. Поскольку примеры речи опираются на язык и вносят свой вклад в него, мы, как отдельные носители языка, имеем некоторую власть над тем, что содержит язык. Тем не менее, хотя многие носители языка могут не принимать сознательных решений об изменении языковых знаков, изменения, тем не менее, происходят.

Эта концепция позволяет различать между общими правилами языка (*langue*), которые существуют в уме носителей языка и обеспечивают основу для речи, и конкретной, индивидуальной экспрессией (*parole*), которая использует эти правила в реальной коммуникации.

Соссюровская концепция «язык» и «речь» в основе своей помогает понять, как общие языковые правила формируют основу для создания конкретной речи и как индивидуальная речь реализует эти правила в различных контекстах общения.

Список литературы

1. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II. С. 412–527.
2. Saussure F. de. Course in General Linguistics, London: McGraw Hill, 1966.
3. Mooney A., Evans B. Language, Society and Power: An Introduction, Routledge, 2018.

УДК. 81–116.6

Концепция означаемого и означающего в языке по Соссюру

Е Бэй

студент Университета Шихэцзы (Китай)

Аннотация: Концепция означаемого и означающего, предложенная Фердинандом де Соссюром, играет ключевую роль в структурной лингвистике и позволяет понять природу языка и его функционирование. Означающее — это звуковая или образная форма, выражающая смысл языкового знака. Означаемое — это сам смысл или концепт, который выражается через означающее. Соссюр подчеркивал, что связь между означающим и означаемым не является произвольной, а базируется на конвенции или договоренности внутри определенного языкового сообщества.

Abstract: The concept of signifier and signified proposed by Ferdinand de Saussure plays a key role in structural linguistics and allows understanding the nature of language and its functioning. The signifier is the sound or figurative form that expresses the meaning of a linguistic sign. The signified is the meaning or concept itself, which is expressed through the signifier. Saussure emphasized that the relationship between the signifier and the signified is not arbitrary but is based on convention or agreement within a particular linguistic community.

Ключевые слова: социальная лингвистика, язык, Соссюр, знак, означаемое, означающее.

Keywords: social linguistics, language, Saussure, sign, signifier, signified.

Фердинанд де Соссюр — это важная фигура в области лингвистики и структурализма. Он был швейцарским лингвистом, известным своим вкладом в изучение языка и его структуры.

Соссюр считается одним из основателей структурализма — лингвистической школы мысли, которая сосредотачивается на анализе структуры языка и его элементов. Его работа «Курс общей лингвистики», хоть и была опубликована после его смерти, стала важным и влиятельным текстом для лингвистов и ученых в этой области.

Соссюр внёс значительный вклад в понимание языка, выдвигая идеи о языке как системе знаков, где значения слов формируются в контексте системы языка, а не только через их отдельные значения. Он разделял языковые знаки на две части: звучащую форму (звуковой образ) и понятную (или концептуальную) сторону, указывая на их взаимосвязь и важность в контексте языковой коммуникации.

Термины и концепции, предложенные Соссюром, такие как «семиотика» (наука о знаках) и «знаковая система», оказали значительное влияние на лингвистику и общее понимание языка. Его работы продолжают оставаться важными для современного изучения языка и его структуры.

Язык — это один из способов представления реальности. Можно проанализировать, как язык это делает. Существуют и другие способы представления реальности. Человек может сфотографировать, нарисовать рисунок или написать музыку. Элементы этих представлений также могут быть проанализированы. Черно-белая фотография может восприниматься иначе, чем цветная; это различие имеет смысл. Размышляя о визуальных представлениях, становится ясно, что всегда есть точка зрения. Фотограф, например, делает снимок, стоя в определенном месте. Они выбирают, что включить в визуальную рамку, на чем сосредоточиться и так далее. Когда дело доходит до языка, несмотря на то, что у нас есть строительные нормы, которым мы должны следовать, всегда существует более одного способа

представления человека, события или ситуации [1]. Одним из механизмов в этом случае является концепция знака.

В определении, с которым мы работаем, все «знаки» состоят из двух частей: концепции и объекта или маркера, который связан с концепцией. Например, пешеходные сигналы на пешеходном переходе, которые сообщают вам, когда идти или нет, являются знаками из-за связи между красным светом (объектом) и концепцией остановки. Без этих двух частей красный свет был бы просто красным светом. Когда мы знаем, что красный означает «стоп», красный свет становится знаком.

Слова в языке также являются знаками. Для Соссюра знак состоит из двух вещей: означающего и означаемого [2]. Его определение знака проводит различие между звуком, который мы слышим (означающее), и концепцией, о которой это заставляет нас думать (означаемое). Так, например, когда вы слышите звуки, представленные буквами d-o-g, вы думаете о понятии «собачье млекопитающее». Вместе слово «звук» и понятие, которое оно вызывает, образуют знак. Важно отметить, что «лингвистический знак — это связующее звено не между вещью и именем, а между понятием и звуковым образцом» [3]. Они не могут быть разделены в знаке; пытаться сделать это было бы все равно, что пытаться разрезать лист бумаги только с одной стороны. [3] Означающему требуется, по крайней мере, одно означаемое, чтобы был знак. Если такого означаемого нет, предполагаемое означающее — это просто звук, который мог бы быть словом; это не знак по определению Соссюра.

Связь между словами и их значением случайна: нет причин, по которым хлеб следует называть «хлебом». Это можно ясно увидеть, если обратиться к другим языкам. Во французском хлеб это «pain», а в валлийском — «bara». Произвольная связь между словами и их значением была одним из величайших прозрений Фердинанда де Соссюра. Тем не менее, утверждение о том, что связь между означающим и означаемым произвольна, не означает, что слова могут означать все, что нам заблагорассудится. «Термин [произвольный] просто подразумевает, что сигнал [означающее] немотивирован: то есть произвольный по отношению к своему значению [означаемому], с которым у него нет естественной связи» [3]. Возможно, вы думаете, что означающие действительно имеют естественную связь

со своими означаемыми, например, в случае звукоподражательных слов, которые мы используем для обозначения звуков, подобных тем, которые издают животные. Однако, в то время как пчела в английском языке будет издавать звук buzz, в японском ее звук представлен «boon boon». Это показывает, что между понятиями и звуками нет прямой связи. Даже звуки окружающего мира, которые, как мы могли бы предположить, все слышат одинаково, по-разному представлены на разных языках. В лучшем случае, такие примеры звуков животных и тому подобного являются маргинальными случаями того, как язык отражает значение, и зависят от общепринятых ассоциаций (особенно в письменной форме) или способности говорящего имитировать шум, издаваемый животным.

В работах Соссюра есть нечто большее, чем его вклад в изучение знаков. Ему также обычно приписывают роль основателя структурализма, который оказал большое влияние на лингвистику, литературную критику и социальные науки. Система языка позволяет нам говорить об окружающем нас мире и представлять его. Но точно так же, как отношение между словом и значением произвольно, так же и способ, которым язык разделяет мир.

Эта концепция помогает понять, что языковые знаки (слова, выражения) не имеют своего значения сами по себе, а связаны с конкретными концептами или смыслами, которые они выражают, и эта связь определяется соглашениями внутри языкового сообщества.

Список литературы

1. Mooney A., Evans B. *Language, Society and Power: An Introduction*, Routledge, 2018.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А. М. Сухотина; научн. ред. пер. предисл. и прим. Н. А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. — Б.Л.Нарумов). М.: «Логос», 1998.
3. Saussure F. de. *Course in General Linguistics*, London: McGraw Hill, 1966.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Журнал «Научный аспект №1 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>